

33 С 5

Э 53

Второй изд.

9/14

ЭЛЬ - РЕГИСТАН
БОЛЬШОЙ
ФЕРГАНСКИЙ
КАНАЛ
ИМЕНИ
СТАЛИНА

1/VIII-1939-15/IX

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ • 1939

Н 9
9.91

1475/14

33С5
Э 53

ЭЛЬ-РЕГИСТАН

БОЛЬШОЙ
ФЕРГАНСКИЙ
КАНАЛ
ИМЕНИ
СТАЛИНА

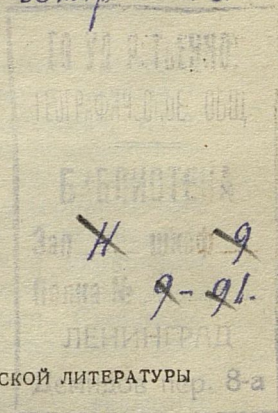
~~190~~
1944

13551

Второй изд.

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

ПРЕДИСЛОВИЕ

Узбекского народа богатое историческое прошлое. Древние государства — Бактрия, Согдиана и Хорезм, расположенные в долинах рек Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи и Зеравшана, частично или полностью занимали территорию современного Узбекистана. Это были государства, не только перенявшие духовное наследство Китая, Ирана, Греции Александра Македонского, но и создавшие свою высокую культуру.

О высоком уровне культурного развития далеких предков узбекского народа свидетельствует религиозная, философская, историческая, медицинская, математическая, астрономическая и светская художественная литература V—VII веков. Недавно исследованные нашими советскими учеными прекрасные терракотовые статуэтки из Афрасиаба (окрестности Самарканда), серебряные хорезмийские блюда, чаши и украшения указывают на расцвет изобразительного искусства; великолепные монументальные памятники Самарканда, Старой Бухары, Хивы говорят о блестящем развитии архитектуры.

Гений узбекского народа создал такого великого поэта, как Алишер Навои. Известнейший поэт X века

Рудаки воспел в своих стихах дворцы, парки, цветники и фруктовые сады Бухары. Здесь, в Бухаре, родился и изучал математику, астрономию, философию и медицину знаменитый ученый XI века Авиценна, автор классического трактата о медицине, лучшего в медицинской науке средневековья. Древние города Узбекистана славились искусными ремесленниками: самаркандская бумага, оружие из Хорезма, бухарские ткани вывозились в Сирию, Египет и Византию; китайцы учились делать стекло у мастеров, выписанных из Средней Азии.

Из старинных китайских хроник мы узнаем, что еще в I и II веках до нашей эры в Ферганской долине было высоко развито земледелие, здесь знали виноградарство и виноделие, разводили великолепных лошадей, называвшихся «небесными». Узбекский народ с давних пор вел борьбу с суровой природой Средней Азии, с ее сухим и жарким климатом, чрезвычайно затрудняющим занятие земледелием. Отвоевывая у пустынь плодородные лёссовые земли, народ отводил воду из рек, воздвигал плотины, строил каналы и бесчисленные арыки для орошения садов и полей. Жизнь и смерть земледельца и горожанина здесь, как нигде, зависели от воды.

Истоки культуры Узбекистана с древнейших времен лежали у истоков рек, которые питали каналы искусственного орошения. В то же время вода служила источником порабощения узбекского народа иноземными завоевателями и орудием эксплуатации. Еще Геродот рассказывает о том, что персы в Средней Азии, захватив ирригационную сеть, отпускали воду на поля хорезмийцев, гирканцев, парфян и других за особую добавочную подать. Их примеру следовали впоследствии местные эмиры и ханы, а после — царские колонизаторы.

Известно, в каком положении находились узбекские дехкане в эпоху владычества эмиров и ханов или в годы, когда Узбекистан, так же как и другие республики Средней Азии, был колонией дома Романовых. Они были не только лишены земли, но и воды, которая находилась в полном распоряжении феодалов, баев, помещиков и хлопковых миллионеров. Иррига-

ционные сооружения в те годы почти не строились, а если и задумывался какой-либо канал, принудительно мобилизованное население работало неохотно или разбегалось.

Установление советской власти внесло коренные изменения в жизнь узбекского народа. Советский Узбекистан, являющийся наследником древней культуры Бактрии, Согдианы и Хорезма, пошел по пути социализма, превращаясь в одну из самых цветущих республик Советского Союза. В. И. Ленин придавал огромное значение орошению. Товарищ Сталин оказывал и оказывает громадную помощь узбекскому народу в его борьбе за воду. В Советском Узбекистане не только восстановлена вся старая ирригационная сеть, но и построено большое количество каналов, орошающих массивы колхозных полей и питающих водой новые прекрасные города, возникшие на развалинах древней цивилизации.

Советский Узбекистан празднует свое пятидесятилетие в расцвете новой, социалистической культуры, уходящей своими корнями в одну из древнейших цивилизаций мира. Узбекский народ создал национальную советскую литературу, замечательное музыкальное и театральное искусство, живопись, керамику. В школах и университетах Узбекистана учатся десятки и сотни тысяч детей и молодежи. Колхозы богатеют из года в год. Села и города до неузнаваемости меняют свой облик.

Осенью 1939 года в Узбекистане было осуществлено одно из замечательнейших сооружений нашей эпохи — Большой Ферганский канал имени Сталина. Узбекский народ давно мечтал об использовании вод Сыр-Дарьи для орошения Ферганской долины, этого сердца хлопкового Узбекистана. Однако строительство гигантского канала, берущего начало в верховьях Сыр-Дарьи, было не под силу узбекским дехканам-единоличникам. Народное движение за воду родилось в колхозах, окрепших и разбогатевших за время сталинских пятилеток. Двести тысяч колхозников Узбекистана высказало желание строить Большой Ферганский канал. Это желание, как и всякое большое начинание в нашей стране, тотчас встретило самую горячую

поддержку со стороны товарища Сталина; союзное правительство по предложению товарища Сталина оказало колхозникам долины материальную и техническую помощь.

Большой Ферганский канал строила вся узбекская страна. Инженеры, врачи, артисты, музыканты, писатели, учителя, партийные и непартийные большевики приняли участие в этой стройке, осуществленной в неслыханно короткий срок — в 45 дней. Партия Ленина—Сталина возглавила грандиозное всенародное строительство, которому указом Верховного Совета СССР присвоено достойное имя вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Описанию строительства Большого Ферганского канала имени Сталина, созданного подлинно коммунистическим трудом, посвящена настоящая книга Эль-Регистана.

9 декабря 1939 г.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

II

ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ БОРЬБА ЗА ВОДУ

С страна знойного солнца, плодородных лёссовых долин и зеленых оазисов, вкрапленных в безбрежный океан величайших пустынь в центре азиатского материка; край, где робкая и короткая весна сменяется долгим и жарким летом и не знающая дождей почва трескается, высыхая и засушая растительность; страна, в которой притоки могучих рек, сбегая со снеговых вершин суровых хребтов, не достигнув цели своих стремлений, тысячами оросительных каналов расходятся по долинам и оазисам, до последней капли отдавая свои воды опаленной зноем возделанной человеком земле.

Узбекистан...

Родина трудолюбивого народа, создавшего в глубочайшей древности высокую земледельческую культуру на землях, искусственно орошенных поколениями дехкан-рабов, дехкан-крепостных, дехкан-издольщиков и батраков.

Узбекистан... «Экзотический» старый Восток, пленявший верхоглядов-туристов яркими бросками чудесных ковров и шелковых покрывал, серебряными кружевами ювелирных изделий, медными сосудами

античной красоты, лирическими песнями, былинами, хитроумными сказками.

Советский Узбекистан...

Полынные степи и равнины Бухарского оаза, песчаные просторы Хорезма, сады пленительного Самарканда, зеленокудрые кишлаки жемчужной Ферганы — цветущая советская республика, Великим Октябрем избавленная от чужеземного ига и от вековой эксплуатации трудящихся, родина прославленных хлопководов, мастеров мировых рекордных урожаев, лучших потомков своих предков.

Социалистический Узбекистан...

Страна, унаследовавшая древние культурные традиции великого среднеазиатского Двуречья и населенная талантливым народом, неутомимо создававшим в пустыне на плодородной лёссовой, сухой, как порох, земле зеленые города-сады, огромные пространства хлопковых полей, сверкающую сеть рисовых плантаций, чудесные плодовые сады и виноградники.

Пожелтевшие и запыленные старинные манускрипты китайских, греческих, римских, арабских и славянских историков, труды ученых и мемуары знаменитых путешественников восстанавливают в нашем воображении из руин и развалин седую Бактриану и Согдиану, древнюю Трансоксанию и Хорезмию.

Одна из древнейших цивилизаций мира процветала в долинах Окса и Яксарта (Аму-Дарья и Сыр-Дарья). «Страной света» называли Хорезмийское государство, расположенное в Хивинском оазисе среди песков. Светочи науки и искусства рождались на самой заре человечества в древних городах и селах в дельтах рек Сыр-Дарья, Аму-Дарья и Зеравшана. Бактрия была мощным политическим и культурным центром, ведшим войны с Ассирией. Великая караванная дорога, по которой купцы вывозили шелк с берегов Желтого моря на дальний Запад, к берегам Средиземного моря, проходила по территории современного Узбекистана три тысячи лет назад; по этому пути в сопровождении легионеров следовали послы римских цезарей к китайским богдыханам; до открытия голландцами морского пути по этой большой караванной

дороге осуществлялась вся культурная, политическая и торговая связь Запада с Востоком.

Далеким предкам узбекского народа были свидетелями великого переселения народов, хлынувших сквозь Джунгарский и Терек-Даванский перевалы, через азиатский материк в Европу. Где-то здесь в безводной равнине бесстрашные кочевники-массагеты разбили и истребили полчища основателя персидского могущества — царя Кира. Томирис, женщина-вожак массагетских племен, согласно преданию, упомянутому греческим историком Геродотом, перед боем с Киром обещала полностью насытить его жажду крови — и выполнила это обещание, бросив отрубленную голову «царя царей» в наполненный кровью мешок; череп повелителя персидской империи был оправлен в золото, чтобы служить кубком на скифских пиршествах.

Сюда, бряцая железом, вторглись в IV веке войска Александра Македонского, встретив решительное сопротивление со стороны населения Согдианы, скифских кочевников. Целых три года потребовало завоевание небольшой территории Согдианы. Пленившись красотой Самарканда, великий греческий полководец избрал его своим местопребыванием.

Через славящуюся своим плодородием Ферганскую долину в VIII веке промчались на ездовых верблюдах под командованием фанатичного Кутейбы Ибн-Муслима арабийские шейхи в белых бурнусах, родоначальники воинственных племен. На остриях своих копий, на лезвиях своих дамасских сабель они принесли в мирную Маверан-Награ — страну узбеков — жестокую религию Ислама. В реках Узбекистана поили своих низкорослых косматых коней дикие орды широкоскулых монголов, согнанные Чингис-ханом в далекий поход. В маленьком городе Кеше, в окрестностях скромного районного Шахризязбе родился и обрел свое могущество Тамерлан, грозный покоритель племен и народов.

В течение всей тысячелетней истории Бактрии и Согдианы, Трансоксании и Хорезмии, в кровавых столкновениях глубокой древности и войнах седой старины иноземные завоеватели и великие полководцы-стратеги, вторгаясь в страну, прежде всего устре-

млялись к кровеносным артериям, питающим ее сердце,— к воде. Арабские вельможи воздвигали замки в верховьях оросительных каналов, держа здесь вооруженные до зубов отряды. Шестисоттысячные полчища Чингис-хана и его сыновей — Октай и Джуччи разрушали плотины, обрекая на голодную смерть население оазисов. Тамерлан, подступая к стенам городов, отводил воду, ставя на колени гарнизоны непокорных крепостей. Эмиры и ханы в междоусобных войнах преграждали реки и каналы, заставляя побежденного безводьем противника сдаться на милость победителя.

Вода!.. вода..

Плодородие полей и садов, богатство городов, вся древняя культура Бактрианы и Согдианы, Трансоксании и Хорезмии были вызваны к жизни народом — искателем воды. Знаменитый китайский ученый Сюань Цзань, посетивший в VII веке Ферганскую долину, восхищался трудолюбием ее земледельцев, орошающих свои поля водой из искусно сооруженных каналов. Арабский историк Са'алиби указывал, что дыни, возделываемые в Хорезмии на землях, питаемых Аму-Дарьей, отличались исключительным ароматом и сладостью. В IX веке доставлялись эти дыни ко двору халифа Мамуна в свинцовых сосудах, обложенных льдом, и цена хорезмийской дыни равнялась стоимости тридцати пяти рабов. Венецианский путешественник Марко Поло, совершивший в конце XIII века отважное путешествие из Европы через весь азиатский материк к берегам Тихого океана, находил кров и приют в оазисах и долинах народа — искателя воды. Рюи Гонзалес де-Клавихо, посол Генриха III Кастильского при дворе грозного Тамерлана, отдыхая в роскошных садах Самарканда, занес в свои путевые дневники крылатую фразу, что воды реки Окса вытекают прямо из рая. Арабский странствователь XIV века Ибн-Батута, исходивший в течение двадцати лет весь тогдашний мир, не мог не отдать дани восхищения созданному гением народа изумительному городу Термезу, расцветшему вместе с появлением воды.

Изумительна созидательная деятельность народа — искателя воды, поразительна его творческая энергия

и неутомимость. Из дикого камня, хвороста и глины народ воздвигал плотины на реках, отводя к полям оросительные каналы, сооружая водопроводы в городах. Народ, подобно кроту, долбил сухую, раскаленную почву, добывая воду из подземных галлерей — «кяризов». Строил из жженого кирпича купола «сардоб» в пустынях, собирая в них талую снеговую и дождевую воду. Народ изобретал «чигири» — огромные деревянные колеса, привязывая к ним глиняные кувшины, чтобы вычерпывать драгоценную воду из рек.

Народ веками боролся за свое существование, зная, что вместе с водой уходит жизнь. В центре черных песков пустыни Кара-Кум, вдоль высохшего русла древнего Узоя, по которому текла Аму-Дарья, впадавшая когда-то в Каспийское море, остались руины былых цветущих городов Хорезма, зубчатые стены неприступных крепостей, засыпанных и похороненных песками. В безводных и безлюдных равнинах Кенимеха, Карши и Голодной степи немало суровых могильников и развалившихся от времени погребений, усеянных человеческими костями. В знойной Сурхан-Дарье у Патта-Гиссара, на берегу Аму-Дарьи, нелегко найти следы описанного Ибн-Батутой огромного, густо населенного города: разрушенный Чингис-ханом, он обратился в прах...

Цена воды была издревле ценою крови в стране узбеков. В Бухарском и Хорезмском оазисах в долинах Ферганы и Зеравшана ведутся печальные семейные хроники, из рода в род переходят предания о «кон-пули» — цене крови, которую платили узбекские дехкане эмирам Бухары, ханам Коканда и Хивы.

Стоны и проклятия висели над кишлаками, когда дехкан толпами гнали в чужую, неведомую степь рыть землю для эмиров и ханов. Голодные и оборванные, долгими месяцами они работали в диких песках под охраной жестоких надсмотрщиков.

Седобородые землекопы ложились на спину, вытягивая ноги по направлению к голове канала, чтобы определить уклон и предугадать, пойдет ли вода на уготованное для нее ложе. Горе тому, кто лежа увидел кончики пальцев на своих ногах. Это означало, что канал роется неправильно и надсмотрщики будут

опять сечь нагайками голые спины дехкан, орошая бесплодную землю ручьями человеческой крови...

Еще большее горе и несчастье, если канал вырыт правильно, а вода все же не идет, задерживаясь почему-либо в пути. Тогда ханские джигиты на взмыленных конях мчались в кишлаки, врываются в жилища дехкан, отрывали от груди матерей младенцев, набивали ими переметные сумы, перекидывали через седла и карьером скакали обратно в дикую степь. Младенцев разбрасывали по дну пустынного канала, оставляя их сутками лежать на раскаленной земле под нестерпимо палящим солнцем, ибо существовало поверье, что на крики и плач невинных младенцев охотно идет вода.

Бывало и так, что вода, разъяренная преградой, рушила плотины, рвала берега каналов, устремляясь не туда, куда хотелось бы владельческому хану. Тогда из дехканской толпы ханская стража выталкивала тех, кому родители на собственное горе и несчастье дали при рождении имя «Тохтасын», что в переводе означает «Пусть остановится!». Всех тех, кто носил это проклятое имя, под гнусавые, заунывные возгласы мулл связанными бросали в воду, чтобы их телами запрудить промоину и, умилившись аллаха, остановить хлынувший поток.

Законы шариата учили, что вода, оживляющая пустыню и являющаяся божьим даром, не может быть ничьей собственностью... Она принадлежит каждому, кто пожелает ею воспользоваться для орошения, и суровые кары падут на голову того, кто осмелится торговать этим благословенным даром всемогущего аллаха...

Ханы и эмиры, прославляя мудрость шариата, обращали в личную собственность плотины и каналы, построенные руками узбекского народа, передавали их по наследству своим родственникам и дарили мечетям для поддержания благочестия среди дехкан. Муллы торговали дареной мечетям «вакуфной» водой и землей, как своими молитвами. Вода была превращена во всеильное орудие эксплуатации трудящихся дехкан.

В дни земельно-водной реформы в Фергане, Бухаре, Кашка-Дарье и Сурхан-Дарье можно было видеть

пожелтевшие пергаменты этих дарственных записей. Покрытые ржавчиной печатей, они пахли терпким запахом человеческой крови...

* * *

В 1867—1870 гг., когда Узбекистан стал царской колонией, туркестанский генерал-губернатор Кауфман решил осчастливить край строительством канала, который оживил бы Голодную степь. Приставы и волостные управители выгнали на строительство этого канала дехкан Ходжентского, Джизакского и Кураминского уездов, а уездные начальники обложили особой податью население тех же мест. Народ разбежался, бросив работы и окрестив ненавистный канал кличкой «Донгуз-Арыка», т. е. «канала свиней».

Мобилизовав население, великий князь Николай Константинович провел для себя канал, став владельцем 12 тысяч десятин орошенной земли в Голодной степи. Второй канал, выстроенный точно таким же способом, оросил земли «Собственного государева Мургабского имения» в Теджене.

К воде потянулись жадные щупальцы текстильных магнатов и спекулянтов, на воду накинули сети кулацкой кабалы баи и помещики.

Придворный жулик князь Андроников за бесценок получил концессии на орошение 51 тысячи гектаров земли в Каршинской степи и в Хорезмском оазисе на Аму-Дарье. Не ударив пальцем о палец, ловкий аферист перепродал свои концессионные права, нажив на этой спекуляции целое состояние.

Банкиры — акционеры Торгово-промышленного банка через подставное лицо, инженера Ананьева, захватили в Ширабаде огромную площадь в 78,5 тысячи гектаров. Просьбы, мольбы, протесты семи с половиной тысяч дехкан, земли которых оказались во владениях банкиров, ни к чему не привели. Безудержная эксплуатация узбекского населения царскими колонизаторами, захват кулаками и баями земли и воды у бедняков и середняков — этот двойной пресс

угнетения не мог не революционизировать трудовые массы Узбекистана. В 1916 году, в связи с царским указом о мобилизации на тыловые работы коренного узбекского населения, дехкане восстали и, двинувшись на территорию ирригационной концессии, разрушили и сожгли дотла ее строения и уничтожили все имущество.

Американский бизнесмен-миллионер Джон Гаммонд вел с царским правительством переговоры о передаче ему грандиозной концессии по орошению Кара-Кумов и Голодной степи. Но сделка сорвалась, так как, ознакомившись с настроением дехкан, американец увидел, что ему не удастся набрать нужного количества рабочих.

Московские текстильные магнаты давно зарились на Ферганскую долину, лелея мысль захватить в свои руки все орошение хлопковой житницы, сулившее миллионы новых прибылей. В 1909 году крупнейшие мануфактуристы царской России — Рябушинский, братья Морозовы, Бахрушины, Коноваловы, Кноп и Кузнецовы создали акционерное общество «МОК» (Московская оросительная компания), наметив строительство канала, который возьмет воду у Нарына. Английская фирма «Пирсон и сын», швейцарская фирма «Кюрштейнер» выслали в Уч-Курганскую степь своих инженеров для составления проектов канала.

Представители Московской оросительной компании повели переговоры с дехканами, предлагая или передать земли, или согласиться покупать будущую воду на условиях оплаты натурой — урожаем хлопка. Дехканам вода была нужна, как воздух, но они не могли принять кабальнейших условий московских миллионеров. Тогда текстильные магнаты решили сломить сопротивление дехкан Ферганской долины с помощью царского правительства. Члены «МОК», миллионеры — Коновалов и фабрикант Рябушинский, бывшие одновременно членами Государственной думы, внесли в Думу проект о передаче «МОК» на 99 лет концессии на 250 тысяч гектаров земли Ферганской долины. Империалистическая война 1914 года помешала осуществлению этого плана...

Лучшие поливные земли в оазисах и долинах Узбекистана принадлежали мечетям, баям, помещикам. На долю немногих счастливых-дехкан падали плешивые солончаки и засушливые участки в хвостах оросительных систем, куда не всякий год доходили жиденькие струйки воды. Неделями и месяцами ждали они своей очереди на полив, измеряя драгоценную влагу глиняными чашами традиционной узбекской «косы». Воду стерегли по ночам. Воду воровали. Из-за воды кишлак дрался с кишлаком кетменями, бедняки убивали баев на каналах, на берегах арыков и уходили на каторгу в далекую холодную Сибирь...

Как же жили те, у кого не было ни клочка земли, ни капли воды?

Вот что рассказывал нам десять лет тому назад бывший безземельный дехканин Ферганской долины, один из многих тысяч чайрикеров — издольщиков:

1557
1358
1 — В течение многих лет я был рядовым чайрикером, арендуя в Ферганской долине у бая Рузыматбайбачи два гектара поливной земли для посева хлопка. У меня была одна лошадь, хозяин на время полевых работ давал мне свою, вторую. По условию, полученный с участка урожай мы должны были делить так: две трети хозяину, а одна треть мне.

Мой год начинался, как правило, с визита Абдулле-Шайтану, человеку, известному в нашем кишлаке Джуй-Базар и в соседних селах подкличкой Абдуллы-Дьявола. Он был обычным сельским ростовщиком, не хуже и не лучше тысяч других ростовщиков Ферганской долины. Еще до посева он закупал у меня на корню всего только 5 пудов хлопка за 6 рублей. По существующему обычаю вместо денег Абдулла-Дьявол давал мне метров пятнадцать ситца, пару пачек зеленого чая, пятнадцать фунтов непросеянной муки, жмых и шелуху.

По рыночной стоимости все, что я получал, оценивалось ровно в 4 рубля, но Абдулла-Дьявол, начислив проценты, писал на 6 рублей расписку, на которой я и ставил оттиск большого пальца правой руки в присутствии шариатского судьи — казия.

Работая до поздней осени, я снимал, наконец, с двух гектаров байской земли 180 пудов хлопка. Владелец земли бай Рузымат-байбача тотчас свозил весь хлопок на обширный свой двор, и, когда я приходил к нему, чтобы делить урожай, он говорил:

«Знаешь что? Сейчас продавать хлопок могут только безумцы. Базары сейчас ломаются от хлопка. Мы с тобой придержим хлопок до весны, когда взвинтятся цены,—тогда и продадим».

Собранный мною урожай был у него на дворе — приходилось соглашаться. Вздыхая, я брал у хозяина на еду 20 копеек и уходил.

Босой, без сапог, я всю осень и зиму ходил к Рузымат-байбаче, а Абдулла-Дьявол ходил ко мне, требуя возвращения долга. Я говорил Рузымат-байбаче, что ждать больше не могу, голодаю, просил выделить мою долю, но бай совал мне в руку неизменные 20 копеек и добродушно укорял:

«Неужели ты враг самому себе? Потерпи еще немного. Глупый, ведь это в твоих собственных интересах. Цены на хлопок, слава аллаху, начинают подниматься».

Ростовщик Абдулла-Дьявол, когда ему надоело ходить ко мне за долгом, вел меня к судье, казию. Здесь, вручая мне в присутствии казия рубль, Абдулла-Дьявол говорил:

«Таким образом, ты обязан сдать мне в будущем году уже не пять, а три раза по пять пудов хлопка. Так получается, если рассчитать проценты за просрочку платежа, допущенную по твоей вине...»

Судья оформлял закладную на мою глиняную лачугу и единственную лошадь.

Проходила зима...

Весной я стороной, от людей, узнал, что Рузымат-байбача за хорошую цену продал, наконец, мой хлопок и хлопок других работавших у него издольщиков. Утром, чуть свет, я приходил к нему во двор, садился на корточки у стены конюшни и терпеливо ждал, пока он проснется.

Старшая его жена, увидев меня, кричала:

«Что ты сложил руки на животе, бездельник! Возьми веник, подмети двор!»

Я брал веник, подметал обширный байский двор, шел на свое место к конюшне, но меня догонял окрик второй жены:

«Эй, дармоед,— кричала она,— принеси воды из родника!»

Я шел с ведрами к роднику.

Просыпался, наконец, Рузымат-байбача, выходил на террасу в мягких сапожках, в шелковом халате, накинутом на плечи. Увидев меня, произносил:

«А, Юлдаш, ты уже здесь, чуть свет... Поддай мне умыться!»

После неторопливого мытья и чаепития меня приглашали на террасу. Наступала долгожданная минута расчета...

Рузымат-байбача доставал из сундука счета и толстую книгу, молча перебирал костяшки счетов, прикидывал, откидывал. Я молча ждал, и в горле у меня становилось сухо...

«Какое счастливое совпадение! — восклицал он. — Мы точь-в-точь квиты...»

«Ты ошибся, Рузымат-байбача,— говорил я с дрожью в голосе. — Еще раз посмотри в свою книгу, еще раз проверь по счетам...»

«Ошибки нет, все правильно», — отвечал хозяин, захлопывая книгу и убирая ее в сундук.

Тогда выяснялось, что 50 рублей он с меня высчитывал за пользование его лошадью, а двугривенных у него оказывалось записанными столько, что я еще оставался ему должен. Хлопок, проданный весной за дорогую цену, он рассчитывал по осенней, прошлогодней цене...

Я просил пересмотреть расчет, умолял пожалеть мою голодающую семью. Но Рузымат сидел, как глухой. Это выводило меня из терпения, я начинал протестовать...

Тогда Рузымат-байбача, зевая, холодно произносил:

«Что же, если тебе так не нравится работать со мной, освободи мою землю, ее у меня давно просят другие, но я из уважения к тебе не даю».

Каждый год я давал себе клятву, что это последний раз, что я больше ни одной минуты не буду работать

на проклятой байской земле. Но каждый год с опущенной головой я выходил со двора своего хозяина. Что мне оставалось делать, если у меня не было ни земли, ни воды? Таких, как я, издольщиков, было 26 человек у бая, и все мы были арканом привязаны к сапогу бая Рузымат-байбачи, владельца земли и воды...

Таково свидетельство бывшего чайрикера ферганского бая Рузымат-байбачи, ныне председателя Верховного Совета Узбекской ССР т. Ахун-Бабаева.

III

РОЖДЕНИЕ НАРОДНОЙ ИДЕИ

Жемчужная Фергана... Как не любить ее тому, кто побывал в гостеприимных кишлаках, где путнику в любом жилище приготовлено угощение на цветистой скатерти — «дастархан», где ждет радушный приют и заботливый уход. Как не пленяться ею тому, кто отдыхал от жары в приветливых чайханах под тенистыми карагачами, вслушиваясь в рокот трехструнного дутара и неумолчное журчание арыков. Как не ценить ее тому, кто видел ее трудолюбиво возделанные поля, слышал традиционные приветствия хлопочущих на них дехкан.

— Орманг! — Не уставайте!

— Бор булинг! — Благоденствуйте!

Весна наступает здесь рано-рано. По склонам Алайского и Ферганского хребтов она спешит в замкнутую со всех сторон долину и легким туманом клубится над садами, окаймляющими подошвы гор. По ущельям торопливо сбегает вниз речки Сох, Шахимардан, Исфайрам, Араван-Сай, Ак-Бура, устремляясь, как и тысячи лет назад, к матери рек — Сыр-Дарье, древнему Яксарту. Рожденные среди ледников на северных отрогах могучего Алая, они, не успев добежать до Сыр-Дарьи, в центре красавицы-долины пышным веером растека-

ются по оросительным каналам. Хрупкий и прозрачный ледок еще сковывает поверхность бесконечного множества арыков, которые встречаются и расходятся у межей, обсаженных тутовником, а старики спозаранку выходят уже из кишлаков. Старикам не спится, не сидится дома. В сопровождении председателей колхозов, бригадиров, звеньеводов они ходят по вспаханным с осени участкам, садятся на корточки, щупают землю, сжимают ее в комья и бросают: поспела ли земля или нет, хватит ли в ней тепла и влаги, чтобы вырастить капризное хлопковое семя.

Много весен встречала Ферганская долина, и ни одна не была похожа на другую. Пятнадцать-двадцать советских лет преобразили складывавшуюся тысячелетиями жизнь. Были черные весны, когда басмаческие контрреволюционные банды, наймиты английского империализма, поджигая мирные узбекские села, расстреливали на околицах кишлаков выбегающих из огня женщин, детей и вешали на тополях членов сельсовета и «кошчи» — союза крестьянской бедноты.

Была светлая весна земельно-водной реформы, весна 1925 года. Батраки, издольщики-чайрикеры получали отобранную у баев — помещиков землю и впервые за тысячелетнюю историю узбекского народа стали хозяевами заветной воды.

Больше половины всего населения Ферганской долины, свыше четверти миллиона дехканских хозяйств, до этой весны могли лишь мечтать о земле и воде. Деды и прадеды из поколения в поколение оставляли своим внукам и правнукам в наследство цепи безысходной кулацкой кабалы, дети отработывали всю жизнь долги отцов на чужой, байской земле.

Невероятные трудности вставали перед советской властью, принявшей революционное решение изъять у помещиков земли, обратить воду на дехканские поля. Земли были изрезаны чересполосицей, раздроблены и распылены между арендаторами-издольщиками; старая ирригационная сеть была сплетена в хаотический клубок; за долгие годы хищнического хозяйствования баев большинство арыков и каналов было разрушено и заилено, многие почвы — засолены или обращены

в болото... Слишком велико было также и влияние байства на нищее, закабаленное дехканство, слишком большим уважением пользовалось еще духовенство в темных суеверных кишлаках...

Но все это преодолели большевики, сплотив вокруг себя батрацкий, бедняцкий актив. Члены районных земельных комиссий Ферганской долины входили в байские жилища для оформления актов об изъятии земли и воды, а батраки-бедняки, не осмеливаясь еще переступить помещичьих порогов, оставались на улице. Они пели здесь, прямо под окнами, «Интернационал», давая знать ненавистным хозяевам, что за спиной члена земельной комиссии стоит железная стена батрацко-бедняцкого актива, явившегося за землей и водой. Земельно-водная реформа завершила национализацию земли и воды, подорвала основы эксплуатации беднейшего дехканства.

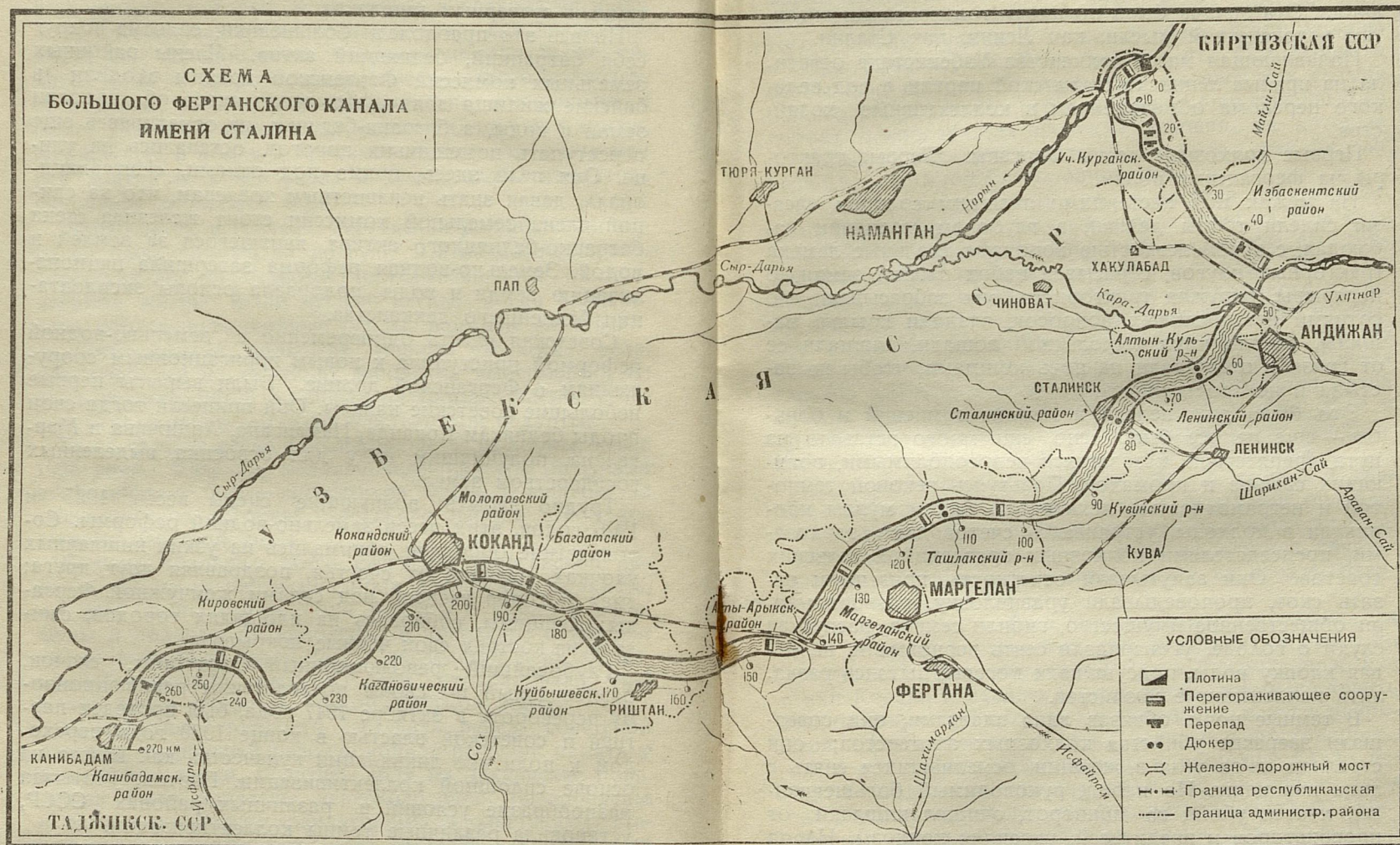
Советская власть одновременно с земельно-водной реформой приступила к новым ирригационным сооружениям в Ферганской долине. Были вырыты первые небольшие советские каналы. Они принесли тогда свои плоды беднякам Коканда, Намангана, Андижана и Маргелана, получившим воду для освоения выделенных государством земель.

Трудно забыть волнующие сцены весен 1925 и 1926 годов, этих весен земельно-водной реформы. Сорокалетние бородачи обнимались на узких кишлачных улочках, плакали от счастья, поздравляя друг друга; смех и говор звенели над садами жемчужной Ферганы; женщины, собираясь на площадях городов, сжигали на кострах свои черные покрывала...

Глубочайший революционный переворот, скачок, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года, был проведен партией и советской властью в конце 1929 года переходом к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Партия, учитывая разнообразие условий в различных районах СССР, установила различные темпы коллективизации.

Здесь, в Узбекистане, приходилось искать новых путей применительно к сложному хлопководческому хозяйству на поливных землях и, шаг за шагом проводя

СХЕМА
БОЛЬШОГО ФЕРГАНСКОГО КАНАЛА
ИМЕНИ СТАЛИНА

в жизнь принципы ленинско-сталинской национальной политики, переделывать психологию народа, выправлять, изменять укоренившиеся веками взгляды и традиции. Эта задача была по плечу только таким гигантам человеческой мысли, как Ленин, как Сталин.

Подавляющая масса дехканства Узбекистана ответила на призыв ленинско-сталинской партии в год великого перелома объединением в коллективные хозяйства.

Первые колхозные весны Ферганы... Первые тракторы на ферганских полях...

На межах под нестерпимо палящим солнцем часами сидели толпы дехкан, в глубоком молчании наблюдая, с какой легкостью ворочают стальные лемеха тракторных плугов, сбрасывая набок пласты земли. В перерывы, окружая тракториста, они забрасывали его сотнями нетерпеливых вопросов, гладили крылья машины, словно круп выхоленной лошади, очищали ее от грязи и покрывали на ночь кошмами, чтобы не застыла и не простудилась.

Это были дни, недели и месяцы сомнений и борьбы — еще не все было ясно, еще много вставало на пути препятствий, казавшихся непреодолимыми, вопиющих срывов и промахов. Пользуясь вековой темнотой и неграмотностью дехканства, баи и муллы проникали в колхозы, устраиваясь счетоводами, завхозами, председателями колхозных правлений и сельских советов. Они запутывали отчетность, призывали резать скот, проповедывали уравниловку, разговаривали общественное имущество, гноили семена, распуская слухи о голоде, уговаривали сеять зерновые и, не давая хлопку воды, подсушивали посевы, пытались развалить коллективные хозяйства.

В темные ночи, обвязав лица платками, они совершали зверские убийства колхозных активистов; они стреляли из-за угла в женщин, осмелившихся снять с лица паранджу. Но народ, руководимый большевиками, хватал убийц за шиворот, очищал кишлаки от провокаторов и вредителей, укрепляя колхозы. Народ ногами месил глину с саманом, выделявая сырцовый кирпич для первых кишлачных школ и красных чайхан.

Семь лет назад в один из апрельских дней в кишлаке Мулькабаде происходило небольшое, но многозначительное событие. Хлопковый колхоз «Кзыл Юлдуз» нанимал для своих детей учителя музыки, первого учителя музыки в колхозах Ферганской долины и всего Узбекистана. В те времена это был слишком необычный шаг, чтобы решиться на него без созыва общего собрания. На этом собрании приглашенный из города преподаватель изложил условия, на которых он согласен передать кишлачным ребятам, как он выразился, искусство благородной музыки.

С уважаемым учителем музыки зверски торговались. Семь раз он вставал, полный негодования на этих скупых, неблагодарных людей, требовал, чтобы его сейчас же отвезли на арбе обратно в город; семь раз старики, члены совета хлопковой урожайности, хватали его под руки, вежливо усаживали на место и, осыпая учтивыми комплиментами, настояли все же на своем. Учитель, переведенный на сделчину, принял главное условие колхоза: гонорар за обучение детей музыке будет выплачен ему после того, как дети в присутствии общего собрания колхоза будут проэкзаменованы по классу скрипки, флейты и дутара.

Неудивительно, что прежде всего к музыке и грамоте потянуло узбекских дехкан, обитателей прекрасной долины. Не в песнях ли они изливали раньше свою тоску по земле? Не о воде ли плакали печальные струны дутара в задыхающихся от жажды разоренных кишлаках?

Кто как не дети баев, ростовщиков, торговцев и мулл учились в узбекских старометодных школах до революции? Чему их учили? Знать наизусть арабские стихи Корана и владеть пером, чтобы уметь составить запродажную на воду и закладную на лачугу чайрикера, запутавшегося в сетях сельского ростовщика...

Все это кануло безвозвратно в прошлое. Стали исчезать заунывные мотивы из песен, на новые лады настроились звонкие струны дутара, светлые, просторные школы открыли свои двери для колхозной детворы.

Женщина, которую закон и шариат разрешали продавать и покупать, как рис, как хлопок, как бязь;

женщина, закутанная с ног до головы в паранджу и не имеющая права смотреть на солнце иначе, чем через черную сетку, свитую из жесткого конского волоса; женщина, низведенная до положения рабыни, выючного животного, на которое вваливались самые тяжелые работы,— не стала ли эта женщина свободной, не вошла ли она в колхозное производство вместе с братом, мужем, отцом, как равноправная хозяйка?

Шли годы... На полях долины рокотали сотни тракторов, управляемых узбекскими колхозниками и колхозницами; районы, соперничая друг с другом, строили автомобильные дороги, открывали парки культуры и отдыха, ясли и родильные дома, школы и больницы, облегчая свой быт и украшая жизнь.

Культура хлынула в колхозы долины, потянувшиеся к счастливой и зажиточной жизни.

И 1935 год сыграл в этом большую роль. В декабре 1935 года состоялась первая встреча узбекских мастеров земли и воды, колхозных хлопкоробов с великим Сталиным на совещании в Кремле. В Москву съехались тогда рассказать о своем опыте стахановцы хлопковых полей Узбекистана, и лучшие почетные места в зале Большого Кремлевского дворца были отведены в те декабрьские дни представителям Ферганской долины.

От их лица выступал знатный андижанец, председатель совета урожайности колхоза имени Дзержинского Тишабай Мирзаев, бывший неграмотный батрак, талантливый колхозный организатор и новатор хлопководства. При напряженном внимании зала он сжато и ярко раскрыл секрет своего замечательного способа летней подкормки хлопчатника, способа, тогда еще не известного агрономической науке — теперь ставшего классическим правилом советского хлопководства.

— Я обращаю ваше внимание, товарищи,— сказал знаменитый андижанец,— что хлопковое растение, после того как оно вззошло, до конца окучек разговаривает с человеком. Каждый куст, когда мимо него проходишь, просит: «Дай мне плов. Дай мне чай».

Плов — это удобрение, а чай — это вода. И вот я не давал просто удобрение и просто полив по всем

Колхозный новатор, депутат Верховного Совета СССР орденно-
носец Тишабай Мирзаев, начальник строительства Большого
Ферганского канала имени Сталина

участкам. Я ходил и выбирал, где надо дать и сколько надо дать...

До встречи узбекских колхозников с руководителем партии и правительства в 1935 году тридцатичентнеровый хлопковый урожай был пределом желаний для колхозов жемчужной Ферганы. Награжденные орденами стахановцы хлопковых полей, возвратившись домой, обратились к своим землякам с призывом, не останавливаясь на тридцати центнерах, достичь превышения всех мировых показателей по хлопку. В те годы это было еще мечтой для узбекских колхозников... Но они были потомственными хлопкоробами, прошедшими суровую жизненную школу на землях баев в недавнем прошлом, и они знали, какое заманчивое будущее кроется за претворением этой мечты в жизнь...

Весной 1936 года в Наманганском районе Ферганской долины впервые было произнесено имя Ибрагима Рахматова, колхозного бригадира колхоза «Иштымоят». На скромном районном слете хлопкоробов он выступил с заявлением, что если его не подведет вода, он с каждого гектара своего участка выдаст не меньше ста центнеров хлопка!

В колхозных правлениях, в придорожных чайханах Ферганской долины обсуждалось неслыханное заявление наманганского бригадира, вызывая страстные споры и живейшие отклики. Старики-земледельцы, посевшие вместе с хлопком, в сомнении качали головами. Они говорили, что нет на свете такой земли, которая была бы способна родить сто центнеров хлопка с гектара, нет такой воды, которая бы взрастила подобный урожай. И еще говорили они, что наманганцу Ибрагиму Рахматову, сболтнувшему сторяча для красного словца на весеннем слете, придется осенью уронить свою честь на ту самую землю, с которой он намеревался собрать свои сто центнеров.

Но наступила осень, нашлась чудесная земля, и нашлась она на полях наманганского колхоза «Иштымоят», в жемчужной Ферганской долине! На этой земле колхозный бригадир Ибрагим Рахматов собрал в 1936 году невиданный в мире стоцентнеровый урожай хлопчатника, сдержав свое обещание. Урожай

этот явился результатом стахановского труда, сошедшего с открытиями талантливых новаторов колхозного производства: дробно-учащенных поливов по способу наманганца Ибрагима Рахматова и летней подкормки хлопчатника азотом и фосфором по способу андижанца Тишабая Мирзаева.

«Мать хлопка — вода, отец — земля, солнце — его воспитательница», — так говорят в Ферганской долине хлопкоробы, потомки трудолюбивых земледельцев, искусством которых еще в VII веке восхищался знаменитый китайский историк Сюань Цзань. Вода не подвела Ибрагима Рахматова — она помогла наманганскому бригадиру добрать то, чего не могли дать хлопку солнце и земля.

В ту же осень, возвращаясь с Памира и проехав всю долину, от Андижана до Беш-Арыка, в период горячей хлопковой уборки, автор этих строк простым арифметическим подсчетом установил, что каждая третья работающая на поле колхозница одета в шелковое платье. Тому, кто помнит нищие, оборванные кишлаки в недавнем прошлом, эта перемена, не могла не показаться сказочной. Подобными сказочными переменами насыщена вся действительность жемчужной Ферганы. В кишлаках, недавно еще погрязавших в темноте и неграмотности, считалось уже совершенно неприличным не отдавать детей в школы, не посещать агротехнических кружков, не иметь в сундуках женских платьев из тончайшего маргеланского или самаркандского шелка и дорогих мужских халатов из тяжелого «бекасана».

* * *

Так шли годы, советские годы, один за другим, претворяя в жизнь вчера еще несбыточные фантазии. Жемчужная Фергана становилась одним из красивейших и культурных уголков Советского Союза, богатели города и села. К весне 1939 года колхозы-миллионеры насчитывались уже сотнями. В летние ночи для запоздалого путника, спускающегося с высот Алайского и Ферганского хребтов, путеводными звездами светились электрические огни кишлаков и городов замкнутой среди гор долины.

Лишь одно — маловодье — из года в год омрачало жизнь колхозников, тормозя дальнейшее процветание Ферганы.

Вода — тот самый живительный источник, из которого черпает узбекский народ свои творческие силы, культуру и материальное благосостояние. За годы сталинских пятилеток в Узбекистане были построены десятки крупных ирригационных сооружений, на берегах рек поставлены сотни насосных станций, головы каналов оделись в бетон и железные шлюзы, регулирующие расход драгоценной влаги, запущенная старая оросительная сеть очищена от наносов и приведена в полный порядок. Львиная доля этих работ пала на Ферганскую долину, издавна страдавшую маловодьем.

Но воды, *самой воды не хватало!*

Многим районам приходилось сидеть на жестком водном пайке. Еще не таяли снега в горах, а в колхозах уже совещались ведающие водой старики — мирабы, стараясь предугадать, покупаться или расщедрятся нынче ледники, сколько и какой речке дадут воды, сколько перепадет влаги на арыки, которые поят их поля и сады. Но кто мог заранее предвидеть все причуды и капризы стихии?..

В колхозном Маргелане в февральские дни 1939 года, когда вся страна готовилась к XVIII съезду партии, заседал, прочно ставший традицией районов Ферганской долины, слет колхозников-хлопкоробов. Стоило только первому оратору коснуться вопросов повышения урожайности хлопка и зажиточной жизни в колхозах, тотчас же все наперебой заговорили о воде. Страсти разгорелись — испокон веков жители этих мест не могли вести спокойных речей на эту извечно острую и животрепещущую тему. Из-за воды они в прошлом толпами ходили кланяться в ноги к родственникам одной из жен Худояр-хана, которой в минуту хорошего настроения кокандский хан подарил воду Шахимардана. Кости хана и его пятидесяти жен давно уже сгнили в земле, но от проклятой змеи остались змееныши, хранившие ханскую дарственную, и прозрачные воды Шахимардана, которыми они владели, были для дехкан горше слез. Продавая послед-

ние рубахи, дехкане снаряжали делегации с богатыми приношениями к муллам и ишанам в маргеланское медресе Кунчак, которому по старинной дарственной была отказана часть воды Исфайрама...

Представители не обеспеченных водой колхозных сел Науката, Джаильмы, Калачи, Агдама, выступая на районном слете, невольно вспоминали свои старые обиды и горести, пронизанные вековой дехканской тоской по воде. Это были сыновья и внуки потомственных хлопкоробов Маргелана, Ташлака, Ферганы, Алты-Арыка, в чьих умелых руках играл тяжелый, пятнадцатифунтовый кетмень. Отцы и деды их всю жизнь провели в непосильном рабском труде, довольствуясь куском лепешки, ломтем дыни и чашкой зеленого чая. Их счастливые потомки не хотели и не могли так жить в колхозах, до неузнаваемости изменившихся, казалось бы, из века предначертанную им судьбу. Советская власть настежь распахнула перед ними двери в светлый и яркий мир, и, с каждым годом все явственнее осязая чудесные ростки новой жизни, они проникались все большей и большей досадой на слепые силы природы, действующей им наперекор.

Особенно волновались колхозы Каптар-Ханинского сельсовета. Хорошо людям на слете толковать о высококом урожае, когда в их арыках журчит, лаская слух, вода Исфайрама. А каково им, каптарханинцам, которые сидят на самом хвосте мелководного Шахмардана, если у них в прошлом году не дали плодов ни абрикосы, ни персики, если сердце разрывалось на части, глядя, как вянут листья на кустах хлопчатника?.. Те, чьи поля не знали нужды в воде, отводили глаза, стараясь не встретиться взглядом с ораторами из маловодных колхозов, — они слишком хорошо знали цену воды!..

Прения были в разгаре, когда попросил слова мираб Урунджан Расулев, человек, ведающий водой. Это был опытный и честный человек — никому, кто не наделен такими свойствами, колхозы долины не доверят воды. Его слушали со вниманием.

— Я тоже много думал и думаю о воде, — сказал Урунджан. — Не только потому, что на моей чести и совести лежит обязанность справедливо раздать

воду полям и садам, но еще и потому, что вода — это слезы наших отцов, смех наших детей... Вон там, — Урунджан показал в правый угол зала, — сидят люди, которые пьют воду из Шахимардана. Здесь, — мираб повернулся влево, — сидят люди, которые пьют воду из Исфайрама. Одни обижены водой, другие — нет. Так я говорю?

— Так, — глухо отозвалось в зале.

— Воды реки Шахимардана, — продолжал мираб Урунджан, — избрали для себя один путь, воды реки Исфайрама — другой. Та и другая текут туда, куда они хотят, не считаясь с нашим желанием... Так? — спросил Урунджан и сам себе ответил — Так... А мы хотим, чтобы не было людей, обиженных водой, чтобы вода была повсюду — и в Каптар-Хане и в других местах. Но у одной реки Шахимардан не хватает сил донести сюда свои воды... Очень хорошо... Значит нужно, чтобы река Исфайрам помогла реке Шахимардан так, как люди помогают друг другу в беде...

Зал замер в тишине.

— Канал, — внятно произнес Урунджан Расулев. — Новый канал нужен... И тянуть его следует по подножью Ляганских гор. Там тридцать два — тридцать три километра, я ездил верхом, мерил... Канал нужен скоро, очень скоро, через пятьдесят-шестьдесят дней, прежде чем зацветет хлопок.

— Бог нас не любит, — продолжал Урунджан, — на бога нам надеяться нельзя... Правительство беспокоить тоже неудобно, мы уж выросли из того возраста, чтобы просить соску всякий раз, как только нам хочется молока. У нас теперь колхозы. Колхозы, — многозначительно протянул мираб. — Это слово надо понимать... Если мы выйдем всем народом, перед нами не устоят ни горы, ни реки. Мы построим канал, и пусть тогда из него пьют те, кто обижен водой. Я сказал все, что думал... Я кончил...

Так через двадцать лет после памятного коммунистического субботника рабочих Московско-Казанской железной дороги еще раз претворилось в жизнь предвидение гениального Ленина. На районном колхозном слете в далекой Ферганской долине родился «созна-

тельный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда... в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни». Искра, высеченная мирабом Урунджаном, ярким пламенем зажгла сердца колхозников: колхозы Алты-Арыкского, Маргеланского, Ферганского и Ташлакского районов обратились к правительству Узбекистана с просьбой разрешить им своими силами построить канал.

Для того чтобы руководить работами, к подножью Ляганских гор приехали: земляк маргеланцев, бывший чайрикер, председатель Верховного Совета Узбекской ССР Ахун Бабаев, секретарь Ферганского обкома Емцов и знаменитый колхозный новатор Тишабай Мирзаев, выдвинутый на пост председателя Оргкомитета Верховного Совета Узбекистана по Ферганской области. С ними прибыло 150 инженеров и техников-ирригаторов для спешной проектировки Ляганского канала.

* * *

10 марта 1939 года Сталин поднялся на трибуну XVIII съезда партии большевиков.

Страна Советов ждала этого выступления, с гордостью оглядываясь на свое славное прошлое, озирая свое жизнерадостное настоящее и уверенно вглядываясь в еще более заманчивое будущее. Страна пришла к этому съезду партии обогащенная замечательной летописью сталинской эпохи, которую впервые в истории человечества создал победивший пролетариат в союзе с колхозным дехканством.

10 марта 1939 года И. В. Сталин поднялся на трибуну с отчетным докладом XVIII съезду партии большевиков.

12 марта 1939 года тринадцать тысяч колхозников вышли на трассу Ляганского канала, названного именем XVIII съезда ВКП(б). Они как бы иллюстрировали выступление вождя народов СССР небольшим, скромным вкладом в народное дело...

И произошло небывалое... В течение семнадцати дней — вместо нормально требующихся двух лет — алтыарыкцы, ташлакцы, ферганцы и маргеланцы, вынудив 320 тысяч кубометров земли, построили Ляганский

канал протяженностью в 32 километра, навсегда соединив судьбы Шахимардана-Сая с Исфайрамом-Саем. А в апреле уже буйно рос хлопок на полях каптар-ханинцев, пышным убором бледнорозовых и белых цветов убрались в стосковавшихся по воде садах персики, абрикосы и миндаль...

* * *

Почин Лягана всколыхнул жемчужную Фергану. По самому скромному подсчету, колхозы Ферганской долины ежегодно из-за маловодья не добирали пяти-сот тысяч центнеров по одному только хлопку, выбрасывая на ветер из-за каприза природы добрую сотню миллионов рублей. А сколько новых начинаний в зародыше уничтожала эта засуха! Скольких школ, клубов, красных чайхан, электростанций лишились из-за нее кишлаки! Как трудно было вводить севообороты, без которых задыхались колхозы, сколько бедствий терпели города, лишенные возможности поливать летом пыльные улицы! Всего не перечесть...

Тридцать узбекских районов и пять таджикских владели земельными угодьями жемчужной Ферганы, и среди них не было ни одного, который так или иначе не страдал бы от маловодья. Орошаемые водами разных рек, они в разное время терпели разные бедствия. Запад ощущал особенно острую жажду, но и восток не мог похвалиться водой; в то время как на юге воды нехватало в апреле, мае и июне, север переживал недостаток воды в июле, августе и сентябре. Как будто природа специально задалась целью так перетасовать карты в колоде, чтобы человек никогда не мог выиграть игры.

Но к Ляганскому каналу устремились же воды Исфайрама, обращенные вспять новой чудесной силой, которая показала, что она способна обуздать любую стихию и поставить ее на службу человеку сталинской эпохи! Разговаривая о Лягане, как можно было не восстановить в памяти пример бедняка Абду-Салима, из-за воды поднявшего народное восстание в Уч-Кургане, подавленное андижанским губернатором.

Сыну Абду-Салима отрубили тогда руку, но гордый старик не смирился. Он взвалил на плечи кетмень и исчез в Уч-Курганской степи. Один, без семьи и друзей, восемь лет рубил он кетменем дикую целину, стремясь пробиться к многоводному бурному Нарыну, чтобы протянуть от него канал на дехканские поля. Одиноким бедняк Абду-Салим так и умер в дикой Уч-Курганской степи, на берегу своего недостроенного арыка.

Думая о Лягане, как не вспомнить прекрасную легенду узбекского народа о сказочном богатыре Фархаде, который ради красавицы Ширин в теснинах Фархадского ущелья обрушивал скалы в древний Яксарт, Сыр-Дарью, чтобы, повернув ее воды в пустыню и превратив последнюю в сад, исполнить желание своей прекрасной возлюбленной!

Нарын, к которому тщетно пробивался одиноким бедняк Абду-Салим, сливаясь с Кара-Дарьей, образует многоводную Сыр-Дарью, эту древнюю мать рек — Яксарт, которую хотел преградить сказочный богатырь Фархад. Тогда как Кара-Дарья вся целиком, без остатка, используется на орошение, волны бурного, богатого водой Нарына почти нетронутыми достигают Сыр-Дарьи, и эта могучая река, пересекая с востока на запад Ферганскую долину, мчится к далекому Аральскому морю.

Двадцать миллиардов кубометров воды в год — неслыханное количество драгоценной влаги — бесполезно несет Сыр-Дарья по той самой долине, где из-за кубометра колхоз спорил с колхозом, из-за сотни кубометров район вступал в конфликт с районом и где водные диспетчеры летом лезут из кожи, чтобы выйти из заколдованного круга, а мирабы хрипнут от крика, носясь верхом от головы арыков к их хвосту.

Среди обитателей жемчужной Ферганы сотни лет жила мечта обуздать непокорную Сыр-Дарью. И Ляганский канал разбудил эту мечту в одно прекрасное апрельское утро...

Дома и в гостях, в жилищах и чайханах заговорили о Нарыне; на полях и в садах, в колхозных звеньях и бригадах, в парткомах и сельсоветах, в

райкомах, райисполкомах и в областном центре долины вспыхнули разговоры о насыщенных илом обильных водах Сыр-Дарьи. Первые ходки колхозов повалили из кишлаков в районные города с заявлениями. Эти заявления сводились к одному:

— Хотим строить канал! Большой Ферганский канал! Не прошло и нескольких дней, как весь Узбекистан горячо обсуждал уже замечательную идею колхозников Ферганской долины. Она была простой и мудрой, как ляганская идея мираба Урунджана Расулева: перебросить бесполезные воды бурного Нарына в тихую маловодную Кара-Дарью и отсюда протянуть от одного края долины к другому ее краю невиданный по масштабам канал.

Только такой Большой Ферганский канал, принимающий в свое русло мелкие речушки и каналы, мог раз и навсегда покончить с маловодьем в Ферганской долине, родине советского хлопководства.

Кишлаки и города страны узбеков заволновались, услышав, что из Ташкента в Москву от ЦК КП(б) Узбекистана выехал товарищ, для того чтобы рассказать товарищу Сталину о желании узбекского народа строить в жемчужной долине Большой Ферганский канал.

Дни ожидания были недолги, но томительны. Там и здесь люди выходили из кишлаков на берега Аму-Дарьи и часами молча любовались ее мощью и ширью, вслушиваясь в всплески ее мутных, насыщенных илом волн. Люди долины не сомневались, что великий Сталин поддержит и поможет узбекскому народу осуществить заветную мечту о воде.

Москва не замедлила откликнуться на идею, родившуюся в зеленокудрых кишлаках одной из республик далекого Советского Востока.

— *Прекрасная идея. Поддержим.* — сказал представителю узбекского народа Иосиф Виссарионович Сталин.

Весть об этих словах, произнесенных в стенах Кремля, перелетев тысячеверстные пространства, с молниеносной быстротой достигла Ферганской долины. Из уст в уста передавалось сообщение, что по инициативе великого вождя народов СССР в помощь строителям канала союзное правительство выделило

миллионные суммы, экскаваторы, дизельные тракторы, автомашины, цемент, железо, лес.

Повсеместно на общих собраниях колхозов, на заседаниях сельсоветов, райкомов, районных исполнительных комитетов и городских советов, в кишлаках и городах десятки и сотни тысяч обитателей долины восторженно встретили решение Москвы. Со всех концов Узбекистана инженеры, научные работники, врачи, учителя, студенты, артисты, музыканты, шоферы и представители десятков других профессий высказывали желание добровольно поехать в Фергану, чтобы помочь колхозникам в строительстве канала.

«Идеи становятся силой, когда они овладевают массами», — говорил Ленин.

Это было именно так. Канал уже жил в сознании людей, реальный канал, наполненный до краев водой!.. Народ знал, что древнему Яксарту, не покорившемуся ни Александру Македонскому, ни Чингис-хану, ни Тамерлану, на этот раз придется подчиниться человеческой воле.

Колхозы развили лихорадочную подготовительную деятельность. Они открыли запись добровольцев, отбирая для работы на канале самых лучших кетменщиков, готовили носилки, лопаты, кирки, кетмени, ремонтировали арбы и собственные автомашины, выделяли продовольствие, ставили на откорм лошадей, рогатый скот и баранов.

Народное движение росло и ширилось с каждым часом.

Штаб канала, организовавшийся в Фергане, установил, что честь участия в грандиозном строительстве Большого Ферганского канала оспаривают пять тысяч коммунистов, пятьдесят тысяч комсомольцев Узбекистана, не считая многотысячной армии беспартийной советской интеллигенции.

Без промедления был создан научно-технический совет строительства канала под председательством наркома земледелия т. Азисова, в который вошли лучшие ирригаторы Узбекистана: профессор-орденоносец Аскаченский, профессор Янишевский, инженеры Пославский, Коржавин, Фелодеев, Синявский и

многие другие. Совет приступил к осуществлению беспримерной в истории ирригации задачи — разработать в течение 2—3 месяцев проект Большого Ферганского канала.

Группе ирригаторов во главе с талантливым инженером И. А. Лебедевым было поручено облечь идею колхозников Ферганы в стройные формы технического проекта.

Масштабы проекта, вся сложность задачи, вставшей перед проектировщиками, вырисовываются особенно ярко, если сделать еще один экскурс в историю ирригации Ферганской долины.

Советская власть за последние годы предприняла многое для борьбы с маловодьем в Фергане. Из Кара-Дарьи были выведены каналы имени Сталина и Савай, оросившие земли под Избаскентом и Савайскую степь; из Шарихан-Сая была протянута ветка для кувинцев; были вырыты в самом центре долины каналы Дехкан-Абад и Янги-Фергана; вновь выстроены водные коллекторы на Исфайрам-Шахимарданской, Багдадской и Сох-Исфаринской системах, позволяющие экономно распределять воду между районами, расположенными в западной половине долины.

Будущий канал должен был пройти так, чтобы, не нарушая нормальной работы всех этих и двух десятков других крупных ирригационных сооружений, ликвидировать навсегда маловодье важнейших районов Ферганской долины на левобережье Сыр-Дарьи. Кроме того, водой Нарына предполагалось оросить не менее 60—70 тысяч гектаров дикой целины, отняв эти земли у пустынь.

Принципы, на которых строился проект Большого Ферганского канала, естественно, вытекали из самой идеи, выдвинутой колхозниками. Приняв воду Нарына через головное сооружение в Уч-Курганской степи, новый канал должен был ее перебросить в реку Кара-Дарью, на расстояние сорока четырех километров. На протяжении шести с половиной километров воде реки Нарына предстояло течь по руслу реки Кара-Дарьи. Будучи поднята здесь плотиной на четыре метра, вода, отстоявшись в специально сооруженном

отстойнике, должна была следовать дальше по лону нового грандиозного канала, имея справа от себя Сыр-Дарью, слева — железную дорогу. По пути своего 270-километрового следования от Нарына до Исфары, через территорию шестнадцати узбекских, одного киргизского и одного таджикского районов, Большой Ферганский канал, имеющий ширину от 20 до 30 метров, должен был пересечь несколько сот крупных и мелких арыков, сбросных русел, дорог, перепоясавшись пятью железнодорожными, семьюдесятью четырьмя автогужевыми мостами. Общее число различных ирригационных сооружений на русле Большого Ферганского канала достигало одной тысячи трехсот единиц. Из земли нужно было вынуть восемнадцать миллионов кубометров грунта...

Вот какие задачи стояли перед коллективом переводной советской технической интеллигенции!

Отдавший 15 лет своей деятельности Ферганской долине, И. А. Петров возглавил изыскания. Инженеры-геодезисты Борисов, Стрельченко, Неронов, Гапшин, Кононов и Чернышев, накопившие громадный опыт за долгие годы своей работы в ирригации, первыми вышли на трассу. На помощь старой ирригационной гвардии спешили молодые геодезисты, топографы, техники, студенты. Лучшие геологи страны узбеков — Толстунов, Коротков, Илюхов и Кравицкий, двигаясь по пятам трассировщиков, исследовали грунты.

Канал проектировался попутно с ходом трассировочных работ. Для этого в продвигающиеся по трассе отряды были влиты старшие инженеры-проектировщики: Малиновский, Лобов, Суриков, Русанов, Соседко, Ярош, Урманов, Литт и Подольский с помощниками, техниками и чертежниками. Проектировку от Нарына до Соха объединял выдающийся инженер В. В. Симаков.

Великолепный коллектив советских специалистов, пройдя несколько раз пешком Ферганскую долину и неизменно советуясь с колхозниками, в неслыханно короткие сроки наметил трассу будущего канала. И в один из июльских дней кишлаки и города Ферганской долины вывесили на своих улицах и площадях

карту Большого Ферганского канала протяжением в 270 километров.

Знойный июль был в разгаре. На трассу будущего канала со всех концов долины стекались делегации колхозов. Они просили инженеров заранее указать им участки, изучали грунты, определяя, сколько взять кетменей, сколько лопат и ломов, намечали места для лагеря, высылали мастеров строить чайханы, столовые, пекарни. Врачи, обходя трассу, организовывали медицинские пункты, осматривали источники, делали анализы питьевой воды, проводили флюорографию. Самолеты, летая над трассой, опрыскивали малярийные болота. Торгующие организации строили ларьки и магазины. Связисты проводили телефонные линии между участками.

Канал решено было начать строить, как только наступит август — месяц традиционных «коун-саилей», колхозных празднеств, посвященных созреванию дынь. В иные годы в августовские дни хлопкоробы обменивались визитами с соседями, хозяева подавали гостям на круглых медных блюдах нарезанные длинными ломтями дыни и за чашкой горьковатого кок-чая вели долгие беседы о том, о сем. Теперь август, сравнительно свободный от хлопковых работ, был отдан целиком Большому Ферганскому каналу, и в ожидании сигнала к выходу на работу колхозы выкатили арбы, развесили на деревьях сбрую, наполнили бензином баки грузовых автомобилей, установив непрерывное дежурство у телефонов и расставив сигнальщиков на перекрестках дорог.

Медленно тянулись знойные июльские дни. Жемчужная Фергана замерла в ожидании...

ВЕЛИКИЙ ПОХОД ЗА ВОДОЙ

Созвездие Скорпиона, побледнев, растаяло в сероющем небе. Ночь медленно отступала — черная азиатская ночь, с ее глубоким звездным небом. Синий рассвет робко занимался над Сыр-Дарьей. Шелестели заросли дикого тугая и камышей, шопотом переговариваясь между собой. На том берегу реки нехотя просыпались опаленные зноем сады, окружающие предместья города Ленинабада — бывшего Ходжента.

Полутьма окутывала хлопковые поля и сады северного Таджикистана. Здесь, за пустынной гладью Патар-Дашта, у ручьев, стекающих с дальних гор, начинались пределы Ферганской долины.

Необычайный рев ворвался в тишину рождающегося утра. Это был клич тревоги, грозный клич, способный поднять мертвого из могилы, и в то же время эти звуки бряцающей и звенящей меди победным призывом вторгались в сердца живущих, вызывая в них трепетное волнение. Люди, услышав этот призыв, прерывали свой сон, вскакивали на ноги и, не мешкая, выбегали на улицы кишлаков.

Гигантские медные трубы — карнаи, вздев к небу зияющие жерла, исторгали звуки, сотрясающие прозрачный утренний воздух. На перекрестках дорог, на вершинах холмов, на плоских крышах жилищ выри-

ссывались силуэты широкогрудых великанов — карнайчей. Быстрорукие, горячие, как огонь, барабанщики неистово колотили по бычьим пузырям азиатских барабанов, с грохотом перекликающихся по долине.

Рассвет наступил сразу. С лязгом откидывая висащие на цепи затворы, из жилищ торопливо выходили одетые в дорогу люди с перекинутыми через плечо халатами. Жены несли за мужьями узлы с чистым бельем и домашней снедью. Матери тащили на плечах свернутые одеяла и подушки, провожая сыновей. Седобородые старики прощались у порогов домов и в калитках садов с чернобровыми, загорелыми юношами. Они обнимались по старой традиции крест-накрест, поочередно приподнимая друг друга от земли и бережно опуская вновь на землю.

В кишлаках — на площадях, под тополями и карагачами, у красных чайхан и колхозных правлений, надрываясь от крика, отдавали последние распоряжения председатели колхозов. Бригадиры, азартно размахивая руками, сзывали свои бригады. Вокруг грузовых машин и арб, колыхающихся на трехметровых колесах, суетились завхозы. Конюхи надевали украшенные бусами хомуты на рыжегривых коней. Горячие кони вздрагивая ржали, нетерпеливо перебирая ногами.

Чайханщики несли в руках связки фарфоровых чайников и стопки цветастых чашек — пиал к ящикам, упаковывая их в саман и солому. Из чайхан вытаскивали обитые разноцветной жестью большие азиатские сундуки с окованными медью углами. На арбы и машины грузили кипы свернутых одеял, ковров, паласов и кошм, втыкая в них шелковые колхозные знамена. Повара с ножами, болтающимися в огромных ножнах, подвешенных к поясу, сажались на мешки риса и муки, нагроможденные рядом с большими медными самоварами и чугунными котлами для плова, вмещающими по три барана и восемь пудов риса. Арбы трогались с места, повара вскакивали на ноги и вопили, стараясь перекрыть шум:

— О-э-э-э-эй! Каналга!..

— Каналга! На ка-на-а-а-ал!!!. — громовым эхом отзывались площади и улицы, кишащие народом.

Вереницы арб и телег, цепочки автомашин, сливаясь в караваны транспорта, груженного носилками, тачками, топорами, кетменями, лопатами, продовольствием и предметами обихода, двигались из кишлаков на дороги, отмечая свой путь густыми облаками темно-серой пыли. Колхозные пастухи погнали по узким кишлачным улочкам стада овец и двугодовалых быков. Гул людских голосов, скрип арб, ржание коней, мычание скота, сливаясь с ревом карнаев и грохотом барабанов, разноголосым хором поплыли над проснувшейся Ферганской долиной.

Люди, арбы, автомашины, стада, ручейками скатываясь с полевых троп и кишлачных путей-дорожек, как потоки вешних вод, схлынувших с гор, устремились к перекресткам широких дорожных артерий, отмеченных деревянными стрелками с четкой надписью на узбекском и русском языках:

— «Каналга». «На канал».

Вот и Коканд. Город чистенько подметен, убран и принаряжен, солнечные зайчики плясали на зеркальных витринах магазинов, улицы перепоясались алыми полотнищами лозунгов, приветствующих строителей канала, над домами развевались кумачевые флаги. Коканд встречал 25 июля, первый день массового выхода колхозников Ферганы на трассу канала, как большой народный праздник.

Полосатый шлагбаум у переезда железной дороги опустился, по стальным рельсам пронесся, сбавляя ход к станции Коканд-I, огромный железнодорожный состав. Два оркестра духовой музыки грянули на перроне туш. Поезд, круто затормозив, ответил им протяжным гудком, лязгом буферов и взрывом веселых песен, несшихся из раскрытых окон и дверей. Это пели ленинабадцы, таджикские колхозники, приехавшие на помощь соседним узбекским районам. Черные от загара, обнажая в улыбке ослепительно белые зубы, они сотня за сотней выпрыгивали из вагонов, стекаясь в шумные, веселые колонны у колхозных знамен. Под звуки духовых оркестров и гром аплодисментов, слегка раскачиваясь на ходу, они

зашагали к выходу, залив перрон волной яркозеленых тюбетеек.

А в долине в тот час творилось невообразимое.

Ровно в 9 часов утра Куйбышевский район проводил из колхозов свой первый отряд — 1500 колхозников из дальних Сохских кишлаков. За ними последовало еще 2 тысячи человек. Расставленные по дорогам коммунисты и комсомольцы регулировали людской поток, указывая путь на участки.

На 900 арбах и автомашинах, убранных цветами, держа дистанцию меж сельсоветами, в два приема двинулись на канал 5400 маргеланцев и ферганцев, прославленных героев Лягана.

Четыре тысячи ташлакцев тронулись в путь, имея в тылу громадный обоз в 450 лошадей, 156 быков и 42 верблюда. Ташлакцы кроме лучших кетменщиков снарядили на трассу 92 поваров, 55 пекарей и 22 колхозных парикмахеров. Парикмахер Ташлакского колхоза имени Ахун-Бабаева Махмудов опубликовал перед отъездом в газете письмо, где, прощаясь со всеми парикмахерами долины, высказывал надежду, что встретится с ними на канале и вызовет их на соревнование.

Веселые наманганцы, живущие в стороне от больших дорог, отправили на помощь Сталинскому району три железнодорожных состава с 7 200 человек. С наманганцами ехали на трассу 150 агитаторов, 120 учителей, вызвавшихся ликвидировать неграмотность, и 58 колхозных артистов. И еще везли наманганцы по одному читчику газет на каждые тридцать человек, 42 библиотеки-читальни, 20 ленинских уголков и 12 агитпунктов.

Пять тысяч одетых в черные халаты уйчинцев точно, минута в минуту, выехали в Хакулабад, 3 820 были готовы к отъезду на Куйган-Яр.

Три тысячи жизнерадостных мархаматцев на машинах и арбах с пляской и песнями пронеслись в Избаскент. Сюда же на безводные холмы Лагунбека двинулось 3 050 скуластых джалалкудукцев.

Потомственные, почетные искатели воды — андижанцы, известные своим упорством и выносливостью, виртуозы кетменного труда, тысяча за тысячей осаж-

Андижанские колхозники двинулись в Уч-Курган

дали специальные поезда, садились в арбы и машины. Их было девять тысяч, и они спешили в Уч-Курган, чтобы померяться силой с пустыней, преграждающей путь к голове быстротечного Нарына, у берегов которого некогда умер в одиночестве бедняк Абду-Салим.

Со времен похода Александра Македонского на Индию, со времен нашествия полчищ Чингис-хана на Согдиану и Бактриану эти места не видели такого несметного количества людей, какое выставила жемчужная Фергана в эти три летних июльских дня.

Трое суток стояла пыль над замкнутой среди гор долиной. Ташкентские рейсовые летчики, вылезая из самолетов на ферганских аэродромах, говорили улыбаясь и подмигивая:

— У вас нелетная погода...

Стошестидесятитысячная масса узбекских колхозников, возглавляемая партийными и советскими руководителями районов, тронувшись из родных кишлаков, оседала вдоль трассы будущего канала, намеченного пока еще пунктиром деревянных колышков.

А народ все шел и шел...

В расшитых цветами тюбетейках и в полосатых халатах из Канибадама и Ура-Тюбе, Ашта и Нау, Исфары и Ленинабада колхоз за колхозом двигались таджики.

Их передовые отряды, пересекая западные границы Ферганской долины, вступали в узбекские кишлаки, восторженно встречаемые колхозниками Узбекистана. Народы братались на площадях и улицах, обменивались приветственными речами, и, видя все это, нельзя было не вспомнить о том, что четыре года назад говорил товарищ Сталин на приеме передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана:

«Дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика... Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы».

Одна часть таджиков направлялась на помощь узбекам в приграничные районы, к хвосту канала, чтобы

подхватить его на территории братской республики, другая — разбивала лагеря на мертвых пространствах галечного Патар-Дашта, чтобы повести отсюда, с границ Узбекистана, будущий канал к садам и полям родного Северного Таджикистана.

Колхозные вакилы и бригадиры ехали во главе отрядов кетменщиков-землеробов, отборных стахановцев хлопковых полей, неустомимых, крепко сколоченных парней, умеющих под шестидесятиградусным зноем дробить тяжелыми кетменями землю. Крепкие телом и духом, одетые в праздничные одежды, они с юга и севера, с востока и запада стягивались к трассе Большого Ферганского канала. Их бедра были туго перевязаны шелковыми платками-поясами, и каждый понимающий толк в обычае по этому признаку знал, что перед ним цвет колхозной молодежи, золотые руки узбекских кишлаков, держатели мировых рекордов хлопковой урожайности.

* * *

Июль доживал свои последние часы и минуты. В штабе канала, не знаящем сна, щелкали арифмометры, окончательно подсчитывая все то, что привезла с собой на канал колхозная армия искателей воды. Цифры оказались достойными величественных масштабов стройки...

...117 881 кетмень и 63 105 лопат...

...62 298 носилок и 33 207 ломов, кирок, топов...

...13 000 лошадей, 3 970 быков и 321 верблюду...

...11 125 арб и 1 032 автомобиля...

...14 000 ведер и 4 800 бочек и баков для воды...

...3 400 самоваров и 4 700 котлов для плова...

...9 926 паласов и 3 250 ковров...

И когда схлынули волны шумного людского прилива, отгремели первые кетмени и на востоке заалела заря августовского утра над жаждущей землей, в которую три тысячи сто колхозов жемчужной Ферганской долины воткнули свои три тысячи сто красных

знамен, машинистка в штабе канала в областной Фергане напечатала такую телеграмму-молнию:

*«Москва, Кремль, ЦК ВКП (б), товарищу Сталину.
Дорогой Иосиф Виссарионович!*

Сообщаем Вам, что первого августа сто шестьдесят тысяч колхозников, рабочих и советской интеллигенции с большим подъемом, исполненные большевистской решимости, приступили к массовым работам по строительству Большого Ферганского канала.

Работа начата на протяжении всей трассы канала — 265 километров. За один день вынута 510248 кубометров грунта. Уверены, что земляные работы будут окончены в срок.

*Начальник строительства БФК
Тишабай Мирзаев.*

*Зам. начальника строительства БФК
по партмассовой работе С. Емцов».*

IV

ПОЧИН НАРЫНЦА ДУНАНА

В садах Кувы и Шарихана окрасилась в бледнорозовые тона душистая кожица персиков, желтел тропический инжир и сладким соком наливались тяжелые гроздья винограда — чараса, нимранга и хусайнэ — «дамских пальчиков». Гибкие виноградные лозы по стенам жилищ вползали на гнутые дуги ивовых жердей, пологом тенистых зеленых шатров прикрыв изнемогающие от жары плоские крыши. Воздух пронизал раскаленный добела зной.

По дорогам двигались отороченные плетенкой арбы, доверху нагруженные золотистыми дынями «коун-бедана» и серыми «кзылрук»'ами. Под скромной шкуркой этих дынь прячется неожиданно яркая оранжевая мякоть, брызжущая пряным соком. Начиная месяц созревания дынь, и арбакеши, закончившие перевозку людей и имущества на канал, возили теперь туда же плоды урожая колхозных бахчей и садов. Арбы на огромных колесах пятились в тупички, уступая дорогу автомашинам.

— Не уставайте! — кричали арбакеши. — На канал?

— Благоденствуйте! — отвечали им. — На канал...

Стрелка, указывающая дорогу, осталась на краю последних хлопковых полей, у границ выжженной

солнцем каракалпакской пустоши, раскинувшейся меж Сыр-Дарьей и культурной полосой Ферганского оазиса.

Изыскатели, намечая трассу канала, прострочили колышками бесплодную равнину с запада на восток. Колхозники Кара-Кучского сельсовета, ревниво следившие за продвижением инженеров, тотчас направили по их следу разведчиков. Старики-разведчики, знающие досконально всякие почвы, излазив пустошь, взяли кетменями пробы и определили, что земля здесь хорошая: если такую землю на два года отдать рису, хлопок здесь принесет людям на третий год большое удовольствие. Разведчики, предусмотрительно захватившие с собой дощечки, вбили их в землю, как заявочные столбы, и, написав на них химическим карандашом названия колхозов и свои фамилии, поспешили в сельсовет и райисполком оформлять заявки на золотonosную площадь.

Широкой лентой неслась к горизонту трасса, усеянная, как муравейник, людьми. Сухой, горячий ветер доносил рев карнаев, обрывки песен, крики и глухой рокот, нарастающий, словно шум океанского прибоя. К небу поднимался запах свежее выпеченных лепешек, хлокотали окутанные паром самовары в приветливых чайханах, застланных яркими коврами и паласами, дробно стучали ножами повара, нарезаая морковь и лук для плова. В чистых, уютных лагерях не было никого, кроме обслуживающего персонала,— весь народ находился на трассе, пересекающей пустыню. Никто не работал молча—перекликались, смеялись, пели или вдруг все кричали «ура», потрясая занесенными для удара кетменями.

«Ура» возникало стихийно. Кто-нибудь разражался им от избытка чувств в хвосте канала, в пустыне Патар-Дашт, сотни глоток, подхватывая его, передавали тысячам, и оно громовым раскатом неслось через Беш-Арык, Коканд, Багдад, Риштман, Алты-Арык, Маргелан, Ташлак, Куву, Шарихан, Ассак, Куйган-Яр, Пайток, Избаскент в Уч-Курганскую степь, к голове канала, покрыв в течение нескольких минут 270 километров. И через короткий отрезок времени ответное «ура», возникнув в голове канала, мчалось

На Особом головном участке

обратно к хвосту, сотрясая воздух. За 15 лет спецкоровских разъездов по стране я видел немало великих сталинских строек, но свидетелем такого энтузиазма, такого величественного подъема чувств, не был никогда...

Тишабая Мирзаева знали здесь все, от мала до велика: в кишлаках Ферганской долины популярность колхозного человека определяется весом его хлопковой урожайности. «Вес» Тишабая был известен каждому: не было колхоза, который не применял бы на своих полях методов талантливой выходца из народа; не было колхозника, которому бы не принесло повышения доходов новаторство недавнего батрака, которого Сталин, сам великий Сталин, в зале Большого Кремлевского дворца во всеуслышание назвал «настоящим агрономом». Спокойный и деловитый, с веками, покрасневшими от бессоницы и дорожной пыли, он совещался с участковыми инженерами и техниками, выслушивал пожелания колхозных бригадиров, заглядывал в казаны поваров, пробуя, не пересолена ли «шурпа», не перепечен ли плов. Шагая по взрыхленной кетменями земле, он обнимался с друзьями детства, окликал знакомых, почтительно жал руки старикам, весело шутил с молодежью.

Обычаи народа — эти своеобразные черты его характера — их нужно знать. Народный обычай требует, например, здороваясь со стариками-ферганцами старше 60 лет, осведомляться: «Бодры ли вы?», а тех, кому пошел четвертый и пятый десяток, спрашивать: «Энергичны ли вы?», людей, не достигших сорока лет, нельзя не приветствовать словами: «Ну, как, джигиты, крепка ли ваша поясница? Не притупились ли лезвия ваших кетменей?» И еще нужно знать о производственной гордости обитателей зеленокудрых ферганских кишлаков...

Законная гордость эта была подвергнута искушению в первые же дни работы на трассе вестью, которая пришла с головы канала. В час послеобеденного отдыха несколько тысяч агитаторов рассказали в колхозных лагерях о блестящих производственных успехах до сих пор незаметного кетменщика колхоза

имени Сталина Нарынского района Дунана Дусматова.

Работая на первом участке канала в Уч-Кургане на тяжелых грунтах, нарынский кетменщик Дунаан Дусматов 29 июля дал выработку в 570 процентов, 30 июля — 730, 31 июля — 900!..

Агитаторов засыпали вопросами:

— Какая почва там, где роет землю нарынец Дунаан?

— Сколько весит его кетмень?

— Какой длины черенок? Какой ширины лезвие?

— Кто за ним выносит землю?

— Как он выглядит, нарынец Дунаан? Может, он «палыан», богатырь?

В дикой Уч-Курганской степи рано утром мы последовали за нарынским колхозником на трассу, чтобы увидеть, как ему удастся добыть эти сотни процентов выработки.

Чуть брезжил рассвет. Край солнечного диска огненным маревом вырастал на горизонте неприглядной равнины, поросшей ссохшейся щетиной редких трав. Узкая черная тень ложилась от гряды полуразвалившегося арыка, который рыл здесь когда-то бедняк Абду-Салим.

Дунаан Дусматов, человек среднего роста и обычного телосложения, опершись на кетмень, оглядел свой участок. Наметив место для работы, он прежде всего выбрал самый короткий и удобный маршрут для выноса грунта на дамбу. Дважды прошелся по этому отрезку пути, который ему предстояло совершать в течение целого дня; срубил кетменем кочки и куст колючки, отшвырнул камни и разравнял дорожку. Покончив с этим, он потуже стянул поясицу набедренным платком и взялся за кетмень.

На земле перед знаменитым кетменщиком было разостлано квадратное полотнище. Спокойными, точно размеренными взмахами он вонзал кетмень в землю и откидывал землю на полотнище. Семь взмахов — и кетмень оставлен в сторону. Пригнувшись, Дусматов собрал в левую руку три угла, правой подтянул четвертый угол полотнища и сбил этим землю

в кучу. Вскинув полотнище на плечи, он неторопливо зашагал по дорожке. Достигнув места будущей дамбы, Дусматов, отпустив два угла полотнища, высыпал землю и вернулся к кетменю.

Все! Ни торопливости, ни суетни, ни одного лишнего движения...

Ровно в девять утра, как и все, Дунав позавтракал на трассе, напился чаю, который чайханщики разносили колхозникам. В час дня, когда наступила жара и заревели карнаи, подавая сигнал, он ушел на обеденный перерыв. В пять вернулся и работал до темноты, как и все. В этот день — 1 августа — десятник, замерив его участок, опять занес в табель: 800 процентов.

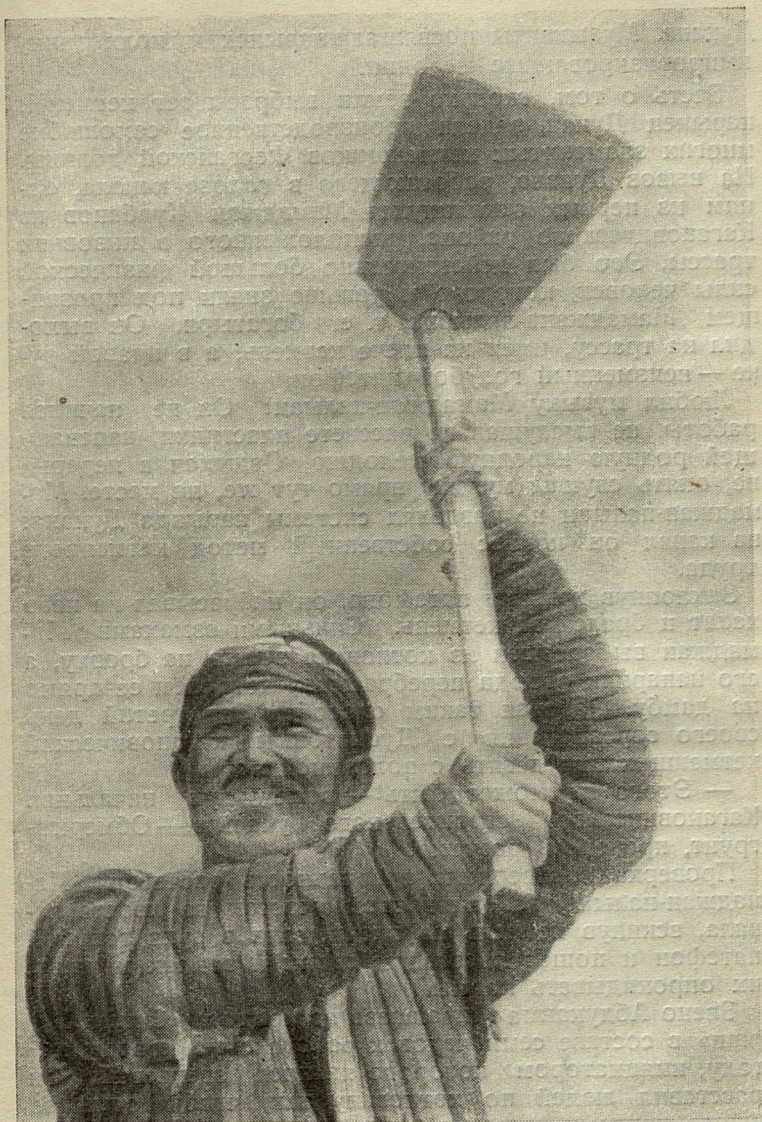
Отдыхая за чашкой чая в вечерней прохладе, Дунав Дусматов рассказал нам:

— Род наш не мог похвастаться ни землей, ни водой... Деда я не видел, отец мой рассказывал, что он батрачил у отца муллы Джурабая, да еще остался его должником. Умер отец муллы Джурабая, и умер отец моего отца. Мой отец перешел в наследство к мулле — отбывать долг деда. Но ясного дня ему не дано было видеть, он умер в черной нищете. Вместе с его долгом мулла Джурабай унаследовал меня. У муллы Джурабая я был и за дворовую собаку и за кетменщика...

Земельно-водная реформа дала мне землю и первую воду. С тех пор ни я, ни колхоз, в котором я состою, не испытывали недостатка в воде. Благодаря счастливому расположению наших земель нам воды хватает, водой мы сыты...

Я пришел сюда вместе с другими кетменщиками нашего колхоза для того, чтобы обратить воды Нарына к землям тех, кто испытывает в них нужду. Наш колхоз носит имя Сталина, и нам не к лицу сидеть дома, когда люди долины ищут для своего хлопка сталинской воды.

Многоустая молва разнесла известие о героических подвигах Дусматова. Агитаторы делали доклады о методах его изумительной работы. Колхозные певцы стали слагать песни в честь славного кетменщика

Знатный нарынский кетменик-стахановец Дунан Дусматов

Дунана. Музыканты посвящали нарынскому колхознику импровизированные мелодии.

Весть о том, сколько земли выбрасывает кетменем нарынец Дунан, задела производственное самолюбие многих знаменитых кетменщиков Ферганской долины. На вызов Дунана, работающего в голове канала, одним из первых откликнулся Мамаджан Курбанов из Кагановического района, расположенного в низовьях трассы. Это был действительно большой физической силы человек, которого и раньше знали под прозвищем Мамаджана-палыана, т. е. богатыря. Он выходил на трассу, имея на плече кетмень, а в правой руке — неизменный голубой патефон.

Любил музыку Мамаджан-палыан! Он не начинал работы, не выслушав на рассвете пластинки, напевающей родную народную мелодию. Отдыхая в перерыве, опять слушал музыку прямо тут же, на месте. Мамаджан-палыан не разделял системы нарынца Дунана: на канал он принес собственный метод кетменного труда.

Захлопнув крышку патефона, он набрасывал на него халат и брался за кетмень. Сильными взмахами Мамаджан выбрасывал из котлована землю на бровку, а его напарник отсюда перебрасывал кетменем ее прямо на дамбу. Работая таким способом, на третий день своего соревнования с Дусматовым кагановический кетменщик дал девять с половиной норм.

— Этого не может быть! — воскликнул начальник Кагановического строительного участка. — Обмерить грунт, проверить расчеты!

Проверка подтвердила правильность расчетов. Мамаджан-палыан, закончив свой участок на хвосте канала, вскинув кетмень на плечи, взял в руки голубой патефон и пошел к соседям своим и землякам учить их опрокидывать нормы.

Звено Абдукаима Мирашаева из колхоза «Синфи Кураш» в составе семи человек работало по новому методу, инициатором которого являлся звеньевой. Он расставил людей по котловану так, чтобы один не мешал другому, и, становясь на свое место, вскидывал кетмень. Выбрасывая землю на бровку до тех пор, пока она не начинала осыпаться, звеньевой нагружал

тачку и возил ее по катальной доске вверх. Достигнув дамбы, он опрокидывал тачку и, не переворачивая ее, тащил за ручки волоком вниз, но уже не по катальной доске, а по дорожке, специально предназначенной для обратного пути.

На этой «мелочи» члены стахановского звена экономили много времени, которое тратилось бы впустую, если всякий раз переворачивать тачку, делать круг и катить ее по катальной доске. Выработка в 1 000—1 100 процентов еле удовлетворяла рьяное их производственное самолюбие — нормы Дунана Дусматова были перекрыты. Лучи славы осветили их стахановский труд.

Прошло всего только каких-нибудь семь августовских дней. Тысячи агитаторов, отправившихся по путевкам большевистской партии с двухсоттысячной армией колхозников на Большой Ферганский канал, зажгли огни соревнования на всей 270-километровой трассе. Изучая до мельчайших подробностей опыт лучших одиночных кетменщиков и звеньев, они переносили его в колхозные бригады, распространяли по прорабствам и строительным участкам. В Коканде и Багдаде, в Куве и Маргелане, в Шарихане и Алтын-Куле — всюду, где блистали на солнце лезвия кетменей, стахановцы жемчужной Ферганы, потуже обвязав свои поясицы набедренными платками, приняли вызов нарынского колхозника померяться силами в искусстве работы кетменем. Родилось замечательное дусматовское движение...

Агитаторы организовывали культурный отдых колхозников, вели громкие читки газет во время обеденных перерывов, выпускали в колхозах ежедневные стенновки. 1 750 учителей-энтузиастов добровольно собрались сюда из кишлаков и городов Ферганы для участия в строительстве канала. Агитаторы и пропагандисты совместно с учителями читали лекции, проводили беседы и, открыв на трассе вечерние школы по ликвидации неграмотности, втянули в них пятьдесят тысяч человек. Трасса Большого Ферганского канала превращалась в героическую стахановскую стройку, очаг культуры и школу коммунистического воспитания масс...

* * *

Никому из жителей Ферганы, областного центра долины, не приходилось видеть такого множества народа на улицах, такого обилия легковых автомобилей и грузовиков, которые взад и вперед носились по ферганско-маргеланскому шоссе, нетерпеливыми сигналами требуя пропуска через железнодорожные платформы. В эти летние дни областной город по своему оживлению смело мог соперничать с столицей республики — не даром сюда из Ташкента экстренно вызвали милиционеров для регулирования уличного движения. Они главенствовали на перекрестках, вызывая восхищение у прохожих прищелкиванием каблучков и четкими взмахами жезлов.

В иные времена, в июле и августе, город пустел и безлюдел. Спасаясь от жары, жители разбредались по окрестным садам или выезжали дышать прохладой в горы, на верховья Шахимардана. Теперь в спешно открытой новой трехэтажной гостинице люди спали на диванах в вестибюлях, устраивались в коридорах, в школах, свободных в связи с летними каникулами, в общежитиях, организованных для приезжих артистов, врачей, инженеров, сотрудников советских и хозяйственных организаций. В город съезжались со всех концов Узбекистана партийные работники, специалисты, научные работники, писатели, учителя, кооператоры, электромеханики, радисты и представители десятков других профессий. Многие приезжали без всякого предупреждения, желая отдать свой отпуск и отдых работе на Большом Ферганском канале. Поезда ежедневно привозили корреспондентов центральных газет и фоторепортеров.

Выездные редакции газет «Правда Востока» и «Кзыл Узбекистан» перекочевали сюда из Ташкента вместе с редакционными работниками, машинистками, типографиями. Они ежедневно выпускали на русском и узбекском языках боевую газету «На сталинской стройке», которую самолеты и автомобили в течение двух-трех часов распространяли по трассе великого канала.

В штабе строительства окна светились всю ночь напролет; в любое время слышны были здесь гул голо-

сов, стрекотня машинок; автомобили ежеминутно привозили сюда инженеров, техников, начальников участков, председателей колхозов. Вот где развернулся во всю ширь великолепный организаторский талант андижанского колхозника, депутата Верховного Совета СССР, орденоносца Тишабая Мирзаева, начальника строительства Большого Ферганского канала!

Специальным решением ЦК КП(б) и СНК Узбекистана народные комиссары важнейших наркоматов на время строительства канала были командированы в Фергану, чтобы разделить между собой ответственность за различные участки многогранной стройки. Возглавляемые андижанским колхозником Тишабаем Мирзаевым, они взяли на себя оперативное руководство отделами штаба, занятыми политико-массовой работой, научно-техническими вопросами, финансами, снабжением, медициной. И надо было видеть, как работали эти товарищи, имевшие при себе аппарат, состоявший максимум из трех-четырех человек. Свыше трех тысяч инженерно-технических работников было направлено на строительство канала.

Члены научно-технического совета съезжались на автомобилях в Андижан и Фергану тотчас, как только возникали вопросы, требующие авторитетного суждения профессоров и инженеров, входящих в его состав; при малейших сомнениях и неясностях заседание приостанавливалось и члены совета, вновь рассеявшись по автомобилям, мчались по долине на трассу канала, чтобы на месте обсуждать и разрешать выдвинутые жизнью проблемы. А их было немало: в первые же дни, когда засверкали на солнце сто шестьдесят тысяч кетней и лопат, обнажая грудь земли, в низовьях будущего канала показались подпочвенные воды, в верховьях — галька и крепкий, как железо, конгломерат.

Невозмутимый, отличающийся редкой работоспособностью главный инженер строительства Коржавин, ненадолго появляясь в своем служебном кабинете, девять десятых времени проводил вне штаба, в объездах громадной, почти трехсоткилометровой трассы, на пунктах которой и находили его ночью непрестанно гудящие, загруженные донельзя телефонные провода.

Горячо и сердечно встретила советская интеллигенция

прекрасную идею колхозников Ферганской долины. Сотни медицинских сестер, врачей, профессоров были в числе тех, кто обращался с заявлениями в партийные и советские организации, высказывая горячее желание отдать свои силы и знания замечательному народному движению за воду. Поголовно все врачи Ферганской области предложили свои услуги штабу строительства. В одном Коканде 132 медработника изъявили желание ехать на канал.

Накануне памятного сигнала о выходе на канал врачи выстукали и выслушали двести тысяч колхозников, отсеивая тех, кто по состоянию своего здоровья не может участвовать в строительстве. 704 врача работало на трассе. И всего два стола занимали медицинские работники в штабе канала, но от этого скромного рабочего места наркомздрава Муминова и начальника санитарной службы доктора Дискина тянулись нити к 42 врачебным пунктам, устроенным в походных палатках, с опрятными кроватями для больных, набором хирургических инструментов, медикаментов, зубоврачебных кресел, микроскопами и другим лабораторным оборудованием. Выдающиеся медицинские деятели страны узбеков — профессора Исаев, Георгиевский и Дихтер приехали из Ташкента и Самарканда, взяв на себя консультацию по эпидемиологии, терапии и технике безопасности.

На широкие плечи начальника Узводхоза Моторина, человека могучего телосложения, была взвалена организация снабжения грандиозного строительства. Он устраивал нефтебазу в дикой Уч-Курганской степи, разыскивал дефицитные цистерны, бочки и баки, метался по станциям Ташкентской железной дороги, встречая прибывающие из центра и республики составы с лесом, цементом, вагоны с железом и резиной, платформы с автомобилями и дизельными тракторами, ездил в Джизак на карьер по добыче камня для сооружений... В постановлениях оперативных совещаний, созываемых секретарем ЦК КП(б) Узбекистана Усманом Юсуповым, то там, то здесь в долине, добрая половина пунктов начиналась со слов: «Поручить товарищу Моторину...»

Не менее ответственным делом была организация

питания и бытового обслуживания огромной армии строителей канала. Достаточно сказать, что в подчинении начальника Главторга Гостева к моменту выхода колхозников находилось на трассе 106 походных портняжных и сапожных мастерских, 170 парикмахерских, 88 столовых, 500 пекарен, 933 ларька, 1116 чайхан.

Все карнайчи — играющие на огромных медных трубах, сурнайчи — флейтисты и «кызынчи» — сказочники и острошловы Ферганской долины, числом свыше трехсот человек, оставили кишлаки еще в конце июля. В двух местах: на Зеленом мосту у Куйган-Яра и в Уч-Курганской степи — были возведены громадные открытые сцены для выехавших на канал государственных республиканских орденоносных театров — драматического имени Хамза и оперы и балета; 19 концертных бригад выделил столичный Ташкент, 2 — Самарканд, 1 — Бухара и 30 — районные колхозные и областные театры долины. Пятнадцать художников, захватив с собой мольберты и холсты, отправились рисовать моменты стройки и ее выдающихся людей.

Предстояла настоящая война, схватка с природой. Победить в этой борьбе стало делом чести партийных организаций Узбекистана. Большевики Узбекистана возглавили народное движение за воду и придали ему максимальную организованность. 1798 коммунистов, 50 000 комсомольцев, 2918 агитаторов и пропагандистов направила партия большевиков Узбекистана на канал, оснастив их непобедимым оружием ленинско-сталинского учения. Большевикам Узбекистана предстояло спаять в железные когорты колхозные отряды и повести их на штурм слепой природы, веками враждующей с человеком.

* *

*

Куйган-Яр ли это? Поезда, проходившие мимо тихого полустанка, если изредка и останавливались здесь, то на полминуты, на минуту; ничего достопримечательного не было тут никогда, кроме дороги, по которой проезжали машины и арбы, следуя из Андижана в районы правобережья Кара-Дарьи. Популярным это

место стало после того как инженеры-проектировщики наметили построить здесь плотину, которая поднимет воды Нарына, повернутые в Кара-Дарью. О Куйган-Яре тогда наперебой заговорили в долине, романтическое название маленького кишлака узнал из газет весь Советский Союз.

Шумным городком многочисленных колхозных общежитий, чайхан, столовых, агитпунктов, магазинов расположился по обоим берегам Кара-Дарьи новый, неузнаваемый Куйган-Яр. Внизу, под мостом, на широких отмелях Кара-Дарьи раскинулся фронт строительных работ канала. Экскаваторы, с лязгом щелкая жадными железными челюстями, вгрызались в русло реки, углубляя огромное ложе котлована; тракторы сгребали гальку, в барабанах бетономешалок со скрежетом метался гравий. Сотни арб вывозили грунт на берега реки, ссыпая его под ноги людей, которые притапывали тяжелыми деревянными болванками рыхлую землю, строя по обоим бортам канала автомобильную, так называемую инспекторскую, дорогу.

Накануне ночью в штабе участка состоялось совещание специалистов. Производитель работ инженер Малышкин, прорабы — инженеры Грон, Андронов и техники Проскурин, Демченко и Коваль еще раз рассмотрели чертежи будущей плотины и проверили расчеты ее сооружений. Затем с помощью десятников начали примеряться, куда и на какие работы назначать колхозные бригады. В устах инженеров, техников и десятников зазвучали названия колхозов, фамилии людей. И хотя люди были уже проверены на выемке громадного котлована, их выбирали осторожно, тщательно взвешивая все положительные и отрицательные стороны каждой бригады, так как предстоящие бетонные работы не знакомы колхозникам-кетменщикам.

За полчаса до рассвета на арке Зеленого моста появились четверо карнайчей и два барабанщика. Музыканты, вполголоса переговариваясь, заложили под язык порции истолченного в порошок табаку «насвоя», покурили... Барабанщики откинули полы халата за спину, надели через плечо барабаны. Карнайчи, откашлявшись, приложили к губам мундштуки длинных трубок, увенчанных зияющим жерлом рупора. Заревели кар-

наи, загрохотали барабаны. Карнайчи брали три колена, на четвертом вздымали свои огромные трубы вверх, прямо над головой, и протяжной нотой закругляли гамму утреннего сигнала.

Избаскентцы не заставили себя ждать. Их было пятьсот человек, они шли колхоз за колхозом, напевая сочиненную здесь же в Куйган-Яре веселую песню и хлопая в такт песне ладонями:

— Аман яр...

— Курбан яр...

— Куйган яр...

Впереди шли лучшие кетменщики, женатые и холостые, повязанные обшитыми бисером шелковыми набедренными платками, присланными из родных кишлаков женами и любимыми девушками по случаю досрочного окончания земляных работ на котловане. Они несли на плечах дорогие тяжелые колхозные знамена с портретами Ленина и Сталина. Как только знаменосцы вступили на мост, карнайчи и барабанщики заняли свои места в голове канала, азартно трубя и неистово грохоча, торжественным церемониальным маршем повели колонну к спуску в русло Кара-Дарьи. Маловодная река, как обычно летом, местами пересохла, обнажив покрытое илом и галечником дно.

Инженеры и техники распределили колхозные бригады, разъяснили каждой, что она должна делать: одним поручили просеивать сквозь сито гравий и песок, другим — подносить цемент, третьим — засыпать смесь в бетономешалку, работающую на приводе. Но с места в карьер дело пошло из рук вон плохо. Бетономешалка ежеминутно останавливалась — ремень то соскакивал, то рвался. С укладкой бетона обстояло еще хуже — на дне котлована еще во время земляных работ, по мере его углубления, показалась вода. Просачиваясь снизу и с левого бока из старого оросительного канала, вода образовала здесь озеро по грудь человека, сузив до невозможности фронт бетонных работ. Люди вынуждены были топтаться на месте. Выстроить в таких условиях прочный устой для регулятора плотины оказалось невозможным.

Промучившись до вечера, усталые, изнервничавшиеся

инженеры собрались на совещание, пригласив бригадиров четырнадцати избаскентских колхозов.

— Бетон,— сказал один из инженеров,— пока он сырой, боится воды. Она с ним делает то, что ей хочется. Стоит только бетону застыть, и ему не страшна никакая вода.

— Не осушив котлован от воды, можно ли устроить хорошую плотину на Куйган-Яре?— спросил Джурабай Бутаев, председатель избаскентского колхоза «Юкары Хасыл». — Я говорю, хорошую, крепкую плотину, потому что вода Нарына, которая придет в Кара-Дарью,— это сильная вода, она падает с высоких гор и рушит камень.

— Нет,— ответил инженер.— Нельзя.

— Хо-о-о-о-п... — протянул Джурабай Бутаев, раздумывая. Через минуту он внес такое предложение: он и его бригада очистят котлован от воды. Как? Это их дело,— им не привыкать бороться с подпочвенными водами. Пусть инженеры подумают над тем, чтобы люди из других колхозов не подвели их с гравием, песком и цементом, чтобы бетономешалка работала и давала бетон, не останавливаясь, так как они будут выводить воду шаг за шагом из котлована.

Встала Перихон Изабаева, женщина-бригадир, завоевавшая большое уважение среди мужчин, и сказала:

— Мои люди дадут цемент и гравий раньше, чем люди Джурабая уведут воду.

— Что ж,— произнес тогда Абдулладжан Декханов.— Новый ремень за инженерами, а бетон — за мной и моими людьми.

Наутро шумный, многолюдный Куйган-Яр вновь проснулся от рева карнаев, от грохота больших азиатских барабанов. Карнайчи и барабанщики, выведя избаскентских колхозников к месту работ, на этот раз не ушли. Они остались на берегу котлована, устроившись неподалеку от бетономешалки, и каждые две-три минуты, вздымая огромные трубы, исторгали в небо три коротких и одно длинное протяжное колесо, а барабанщики изо всех сил колотили палками по бычьим пузырям азиатских барабанов.

Под эту музыку удалые кетменчики «Юкары Хасыл» выполняли обязательство своего председателя.

Скинув рубаху, Джурабай Бутаев бросился с размаха в воду. Члены бригады засыпали гравием мешки из рогожи и, ныряя с ними в воду, укладывали перемычку. Перемычка росла, как стена, и все становилось теперь ясным. Водную гладь колхозники разбивали на части — оставалось подвести тракторы с насосами и выкачать воду, освобождая грунт для закладки бетона.

В воздухе веяло вечерней прохладой, когда бригада Джурабая Бутаева возвратилась в свое становище. Выпив чаю и немного отдохнув, избаскентцы переоделись и направились за чайханы, к правому берегу Кара-Дарьи. Тысячи две колхозников сидели уже здесь, по-азиатски подогнув ноги в ожидании выступления дарбоза, традиционного узбекского канатоходца.

На расстоянии сорока-пятидесяти шагов друг от друга в землю были вкопаны высокие, как мачты корабля, столбы. Толстый канат тянулся от земли к их вершинам, образуя треугольник. По бокам и на вершине треугольника висели три трапеции.

На центр площади вышел народный остро слов Каримджон. Совмещая роль ассистента и конференсье, шутник-весельчак Каримджон представил публике канатоходца Усманджона «бесстрашным мастером воздуха». Дарбоз-канатоходец, сбросив с плеч халат, остался в широких шелковых штанах яркозеленого цвета. Каримджон подал ему длинный шест.

Скинув с ног туфли, дарбоз Усманджон босиком ступил на канат и уверенно вбежал по нему до первой трапеции. Он сделал несколько гимнастических упражнений, снял свой подвешенный к крючку шест и бесстрашно поднялся с ним на наивысшую точку треугольника. Чтобы его рассмотреть, зрители так закидывали головы, что у них падали тубетейки.

Наступил самый эффектный момент старинного народного зрелища. Конференсье Каримджон в большом переполохе и смятении внизу разыгрывал испуг, тревогу и беспокойство. Каримджон комично окликал своего партнера, спрашивая его, почему он забрался на небо, умолял посмотреть, нет ли там поблизости бога, и просил рассказать, как он выглядит. Усманджон кричал сверху, что никакого бога на небе нет.

есть чистый, прозрачный воздух и ни муллой, ни старым козлом не пахнет.

— Тебе оттуда далеко видно? — спрашивал Каримджон.

— Далеко, — отвечал канатоходец.

— Что же ты видишь?

— Я вижу, в степи серебром блистает Нарын. А на берегу его я вижу героев, тысячи колхозных героев-кетменщиков, — кричал сверху дарбоз Усманджон.

— Что они делают?

— Они роют великий канал и ведут воды Нарына в Кара-Дарью.

— Усманджон! — испуганно восклицал Каримджон, — останови их сейчас же, не давай им вести сюда воды Нарына.

— Почему? — вопрошал дарбоз Усманджон.

— Потому что Джурабай Бутаев и его богатыри выпили сегодня воду Кара-Дарьи. Они проглотят весь Нарын с головы и до хвоста, если пустить сюда эту реку.

Смехом и шумными аплодисментами встретили колхозники шутку Каримджона, так быстро откликнувшегося на злобу дня. Земляки-избаскентцы подмигивали Джурабай Бутаеву и его кетменщикам, кричали им с места: «Яшаньг, игитляр!» «Процветайте, джигиты!», а джигиты сияли от гордости, и халаты топорщились на их плечах.

* * *

Мягкий теплый вечер окутал Куйган-Яр, внезапно расцветший яркими электрическими огнями. Джурабай Бутаев и его богатыри, закинув руки назад под халаты, провожаемые почтительным шопотом толпы, прошли с независимым и гордым видом по Зеленому мосту, направляясь в штаб участка. Путь их лежал через цветник, который разбили колхозники на берегу Кара-Дарьи, выписав для этого собственного садовода из Избаскента. Еще только закладывались устои плотины в котловане, Нарын еще сбрасывал свои воды в Аму-Дарью и Аральское море, а уже люди говорили, что здесь на пустом месте в будущем году возникнет обрмленный красивой набережной парк культуры и от-

дыха, в центре которого будет здание музея Большого Ферганского канала. Избаскентские кетменщики Джурабая Бутаева знали, что это не мечта, а реальная действительность завтрашнего дня, и они шли в штаб канала заявить о своем желании и ночью продолжать осушку котлована от воды.

Горел вечерними огнями новый, неузнаваемый Куйган-Яр. Из лагерей, раскинувшихся вокруг Кара-Дарьи, стекались на площадь кетменщики, рассаживаясь колхоз за колхозом под звездным небом перед громадной сценой театра, возведенной специально для строителей канала. Орденоносный Узбекский государственный театр оперы и балета подготовил к началу работ на канале постановку новой оперы «Буран» молодого узбекского композитора орденоносца Ашрафи.

Дирижерское место занял народный артист Узбекистана композитор Ашрафи. В воцарившейся тишине явственно слышался стук дирижерской палочки.

Зазвучало музыкальное вступление оперы «Буран». Шесть тысяч колхозников слушали родные народные мелодии, сплетенные в симфонический узор.

Музыкальное вступление еще не окончилось, когда в русле Кара-Дарьи заработала бетономешалка и раздалась всплески в котловане. Избаскентская бригада Джурабая Бутаева, спустившись в воду, строила новую перемычку, оттесняя шаг за шагом воду из котлована и освобождая дно реки для бетонщиков. Рассвет застал их за этой работой.

V

СОРЕВНОВАНИЕ АНДИЖАНЦЕВ

В это же самое время бригады тридцати других избаскентских колхозов, имея на левом фланге ходжаабадцев и мархаматцев, на правом — ворошиловцев и учкурганцев, рыли ход для канала от Кара-Дарьи к Нарыну. Их участки проходили вдоль хлопковых полей двух районов к холмам Лагунбека, теснящимся у самых берегов старого оросительного канала. На долю колхозов имени Ленина, имени Кагановича и «Иттифак» выпал кишлак Ходжаабад. Трасса прошла его насквозь, и кетменчики трех колхозов, распевая песни, срывали до основания старые, ветхие кишлачные жилища. Новый колхозный кишлак уже строился в двухстах метрах к югу, и люди завидовали тем, кто будет жить на берегу Большого Ферганского канала.

Прошло всего десять дней после начала стройки, а уж газетная сводка возвестила, что вынута пять с половиной миллионов кубометров земли. Чтобы осязать эту цифру, надо было видеть, как изменялся самый облик местности, еще десять дней тому назад отмеченной лишь незаметным пунктиром деревянных колышков. Избаскентцы, земляки богатырей Джурабая Бутаева, штурмовали холмы Лагунбека. Им предстояло пробить насквозь через холмы Лагунбека ленту в пятьдесят метров шириной по верху будущего канала.

Выстроенные подряд, крытые камышевыми циновками и брезентом чайханы избаскентцев, застланные дорогими коврами, охватывали фланги холмов, и по той чистоте, уюту и домовитости, которыми они отличались, видно было, что эти люди не уйдут отсюда, пока не пробьются сквозь холмы. Карнаи здесь ревели, не умолкая, с утра и до наступления темноты. В старом арыке плавали привязанные за горлышко кувшины с «яхной» — охлажденным зеленым чаем, прекрасным средством для утоления жажды.

Кетменчики уступами поднимались на холмы, изрезав их кетменями. Каждый колхоз в первый же день работы водрузил в центре своего участка знамя. Кетменчики, вырубая грунт, оставляли землю для замера вокруг знамени. Кетменчики врезались все глубже в землю, а знамена поднимались все выше и выше. И высота знамени служила наилучшим показателем стахановской работы.

Чем выше поднимался по трассе канал от Кара-Дарьи к Нарыну, тем ниже клонились колхозные знамена. И не потому, что в низовьях колхозы работали лучше, чем в верховьях. Отнюдь нет.

Менялась почва...

Если избаскентцы, ленинцы, сталинцы, наманганцы, маргеланцы рубили мягкие грунты, имея дневную норму на кетменщика до четырех кубометров, то нарынцам, андижанцам и лучшим комсомольцам долины достались самые тяжелые, галечные почвы с нормой в один и полтора кубометра. Если в центре и хвосте канала мягкие земли по мере прохождения вглубь источали подпочвенные воды, в голове была сыпь и вслед за крупной галькой показывался конгломерат, от которого со звоном отскакивали кетмени. Природа оградила Нарын от людей поясом жестких грунтов с непрístupным конгломератом. Между тем именно здесь, в голове, трасса канала должна была приобрести глубину 12 метров.

Не случайно к самым берегам Нарына пришли андижанцы, не случайно в двадцати восьми районах Ферганской долины поименно отбирали комсомольцев, заслуживающих чести работать в голове канала бок-о-бок с андижанскими колхозниками. В долине имелись

Избаскентцы на холмах Лагунбека

два района, которым была бы по плечу работа в дикой Уч-Курганской степи,—это Наманган и Андижан. И характерно, оба эти района особенно в воде не нуждаются. Большой Ферганский канал проходит почти не затрагивая их колхозных угодий. Но надо знать наманганцев и андижанцев, чтобы хоть на минуту допустить мысль, что они могли остаться дома, когда народ тронулся на канал. Не таков их характер: в прошлом они больше всего страдали от безземелья и эксплуатации баев, в настоящем они слишком многим обязаны Великому Октябрю.

Решая вопрос о разделении трассы между районами, ЦК КП(б) Узбекистана выделил для наманганцев миллион кубометров, одну шестнадцатую часть всей земли, которую предстояло выбросить. И наманганцы выставили в Сталинский район, на свой участок, восемь тысяч кетменчиков один другого лучше и сами себя прозвали тотчас «миллионерами».

Нельзя было не поручить головного участка андижанцам, виртуозам кетменного труда. Это об их мастерстве поется в старой узбекской песне: «В руках андижанца танцует кетмень»; их упорству посвящена народная поговорка: «Дай только андижанцу в землю вцепиться, он из нее зубами хлопок выдерет». И, наконец не достаточно ли сказать, что именно на андижанском колхознике Тишабае Мирзаеве партия оставила свой выбор при назначении начальника строительства Большого Ферганского канала.

Народ — искатель воды всегда считал самой важной работу на голове канала, вода ведь идет с головы. Распределение районов по трассе канала еще не было сделано, а представители андижанских колхозов нет-нет да приезжали в областную Фергану. Под разными предлогами посещая своего земляка — начальника строительства, они в конце беседы как бы невзначай спрашивали:

— Ну, как, уже известно, где отведут место для наших кетменчиков?..

— Нет пока,— отвечал начальник строительства,— ждите.

— Ждать мы подождем, а ты смотри, чтобы голова не досталась никому, кроме нас...

— Вот чудак, — смеялся Тишабай. — Канал ведь общий...

— Общий-то он общий, но голову должны рыть андижанские кетмени, другим — не осилить...

— Там гиблое место... Голая степь... Ветер... Пыль... — уклончиво говорил Тишабай.

— Знаем. Уже ездили, смотрели — поэтому и говорим, что другим не осилить.

Андижанцы, не будучи уверены, что земляк их не подведет, снарядили специальную делегацию из стариков колхоза имени Дзержинского, родного колхоза Тишабая Мирзаева. Старики, поймав на перепутье автомобиль секретаря ЦК КП(б)Уз, просили его, чтобы тут же посредине дороги было дано слово, что андижанцам отведут Уч-Курганскую степь. В числе хитроумных стариковских доводов был и такой:

— Раз глава строительства андижанец, голова канала по праву принадлежит андижанцам.

Пришлось согласиться...

В день выхода на канал с четырех сторон бесконечными колоннами вступали сельсоветы района в город Андижан, ликующим потоком разливаясь по улицам. Одетые в шелковые халаты кетменщики — старики и молодые, танцевали впереди движущихся колонн. Карнаи, сурнаи, барабаны подняли неслышанный рев и грохот. Городская жизнь остановилась — все живое в городе вышло рукоплескать, кричать «ура» колхозной гвардии, отправляющейся поездами на Уч-Курган.

Председатели андижанских колхозов выехали в Уч-Курган заблаговременно с целым штатом завхозов, плотников, чайханщиков, поваров и их помощников. Они приехали в Уч-Курганскую степь и огляделись... Неприветливая, суровая равнина, лишенная растительности, ни клочка тени, неумные ветры, поднимающие огромные клубы пыли, — все это оправдывало лаконично-строгое название, присвоенное этому участку, — «Особый головной». Колхозные председатели выбрали место для лагеря андижанцев на берегу Нарына. Они исходили из того, что здесь прохладно и что в часы отдыха кетменщики будут все время слышать голос Нарына и видеть стремительный бег его темносерых волн. А есть ли на белом свете для андижанца что-либо

пленительнее, чем симфония звуков, рождаемых бурной многоводной рекой, низвергающейся в долину с ледников далеких неприступных хребтов?

Волоча за собой пыльные шлейфы, в безжизненную равнину въехали караваны разговорчивых андижанских арбакашей, загудели сирены колхозных автомашин, застучали топоры, завизжали пилы. Вдоль Нарына вытянулся лагерь, еще более уютный и домовитый, чем у избаскентцев, с неизменными чайханами, красными уголками, столовыми и хлебопекарнями. Лагерь застроился вширь ларьками и магазинами, отделением почты и телеграфа, агитпунктами, амбулаторией с зубо-врачебным кабинетом, палатками для инженерно-технического персонала, общежитиями для артистов, музыкантов и художников. Между лагерем и трассой колхозные плотники воздвигали открытую сцену, соперничавшую по размерам со сценой любого московского театра; триста человек на руках принесли громоздкие декорации с временного полустанка, отстоящего в двух километрах от лагеря.

Правее андижанцев в брезентовых палатках расположился городок комсомольской колхозной молодежи Ферганской долины. Секретари двадцати восьми комсомольских райкомов поселились здесь до конца работ; девушки наводили чистоту и порядок в палатках, стирали белье, шили, штопали; физкультурники оборудовали в центре городка площадку с тиром, турниками, параллельными брусьями, волейболом, дорожками для бега и трамплинами для прыжков.

Слева, у самого головного сооружения, вырос поселок рабочих-взрывников, экскаваторных машинистов, шоферов, дизельных трактористов, механиков и штаб всего участка, руководимый вторым секретарем Ферганского обкома Камаловым и главным инженером профессором Ф. Нельсон-Скорняковым. Один из первых ирригаторов Советского Узбекистана, профессор Скорняков не мог удержаться, чтобы не приехать сюда из Москвы для участия в грандиозной народной стройке.

Нигде, ни на каком другом участке Большого Ферганского канала большевики не сконцентрировали таких могучих сил для борьбы со стихией, как здесь, на Особом головном. Экстренные товарные составы при-

везли в Уч-Курган новенькие дизельные тракторы, автомашины и мощные экскаваторы, выделенные по распоряжению товарища Сталина из Москвы. Уч-Курган получил двадцать пять вагонов аммонала, количество, достаточное, чтобы поднять в воздух целый город. Двенадцать тысяч человек занимали здесь фронт в два километра. Каждый метр штурмовался шестью кетменщиками, и какими кетменщиками!.. Вооруженные ломами, кирками, кетменями, носилками, мешками, они черной тучей покрыли трассу, которая сразу стала тесной, и подняли такую пыль, что в первый же день во все концы Узбекистана полетели телеграммы, и по всем городам стали собирать автомобильные очки и тысячами доставлять их на самолетах сюда.

Было чему удивляться, было на что полюбоваться...

Дунан Дусматов, знаменитый нарынский кетменщик, работал рядом с Особым головным участком на первом участке, занятом Нарынским районом. При одном только упоминании имени нарынца Дунана андижанские кетменщики теряли аппетит и злились по-настоящему — хорошей, здоровой злостью. Я жил в палатке колхоза имени Дзержинского и имел неосторожность во время чаепития обмолвиться, что андижанцам тяжелые грунты, пожалуй, не позволят перекрыть производственных рекордов нарынца Дусматова, дающего ежедневно восемь норм. Председатель колхоза Рузымат побагровел, поперхнувшись горячим чаем.

— У нас есть одна поговорка, — произнес он. — Такая поговорка... «Когда праздник кончился, надо не ногти красить, а затылки чесать...» Три дня тебе нужно помнить эту поговорку, — значительно произнес Рузымат. — Нарынцам такая земля знакома, андижанцы к ней только приглядываются. Но не позже чем через три дня лучшие нарынские кетменщики будут чесать свои затылки. Слышишь?.. Запиши это в ту книжку, в которую ты все записываешь, — закончил он, вращая белками.

Я, чтобы доставить ему удовольствие, записал...

Пришла ночь, и я внес в ту же книжку следующую запись:

«Лавры Дунана Дусматова не дают спать андижанским кетменщикам, в полном смысле этого слова.

Бригады колхозов Янги-Абадского сельсовета сегодня встали за полтора часа до рассвета. Они бесшумно оделись и исчезли в темноте, воровато ступая на носки, чтобы не разбудить колхозников соседнего сельсовета.

Эта запись была сделана 5 августа. В тот же день во время обеденного перерыва мы рассматривали вместе с ташкентскими художниками Михаилом Рейхом и Чепраковым первые портреты стахановцев участка и эскизы, выставленные этими художниками на стене агитпункта. К нам подошел бородатый кетменщик в черном халате, человек лет сорока пяти.

— Сколько процентов выработали эти люди? — спросил он, указывая на портреты.

— Этот — сто семьдесят... Этот — двести... А вот этот даже двести пятьдесят, — сказал Рейх.

— Двести пятьдесят... — Кетменщик поднял мохнатые брови. — А если я выработаю пятьсот процентов, ты нарисуешь мой портрет? Но только чтобы он был вдвое больше, чем этот...

— Нарисую, — улыбнулся художник.

— Слово?

— Слово.

На следующий день я застал знакомого кетменщика позирующим Рейху. Это был Кенджибаев из андижанского колхоза имени Жданова. Он к обеду 6 августа выполнил план на пятьсот процентов и, получив об этом справку прораба, предъявил ее, как вексель художнику, требуя погасить задолженность. И художник, нарисовав самый большой портрет из всех нарисованных им на Особом головном, 6 августа выставил его в агитпункте. Но 7 августа Кенджибаев явился снова, привел с собой напарника Хасанова и объявил художнику:

— Мы вдвоем — звено. Мой портрет есть, его портрета нету. Нарисуй его и, пожалуйста, исправь цифру под моим портретом. У каждого из нас сегодня по тысяче процентов...

Впервые Особый головной участок слышал о таком рекорде. Но не прошло и двух суток, как рекорд этот был побит и прочно закреплен андижанскими звеньеводами Юнусовым и Аллаяровым. Ими же был совер-

шен подвиг, рассказ о котором, как легенда, облетел кишлаки Ферганской долины, сделавшись достоянием всей страны узбеков.

Одно из ответственных прорабств на Особом головном участке было доверено Тамаре Григорьевской, студентке-дипломантке Ташкентского института ирригации. «Тамара-хон» — ласково называли девушку несколько сот степенных пожилых андижанских колхозников, находившихся под ее началом. Своими знаниями, энергией и работоспособностью она завоевала громадный авторитет. Кетменщики терялись в догадках, когда же спит и отдыхает эта веселая и неутомимая девушка, которая знает чуть ли не каждого из них по имени, встает раньше карнайчей и барабанщиков, будит сама бригады и, спускаясь в котлован первой, выходит из него последней. Колхозники, получая из дому фрукты, откладывали для Тамары-хон душистые персики, сладкие дыни. Повара оставляли для нее лучшие блюда. Среди колхозов, входивших в ее прорабство, выработалось правило, что претендовать на приглашение девушки-прораба к ужину имеет право лишь тот колхоз, у которого сегодня наивысшие показатели.

Прорабство Т. П. Григорьевской шло все время впереди Особого головного участка и к 20 августа готовилось досрочно окончить работу. Заметно отстали лишь два колхоза — «Уйгур» и имени Ворошилова. Бригады этих колхозов были вызваны в штаб участка андижанских колхозников. Здесь в палатке на походных табуретах сидели начальник участка инженер Юштин, его заместитель по партийно-массовой работе Чумаков и прораб Григорьевская.

— Вот, объясните при них, — сказала Григорьевская, указывая на свое начальство, — почему вы хуже всех работаете.

Бригады заговорили, что они работают хорошо, но у них грунты тяжелее, чем у других, и вот, мол, поэтому они немного задерживаются...

— Грунты у всех одинаковы! — отрезал инженер Юштин.

— У вас там, самое большее, на один день хорошей работы, — сказала Григорьевская. — Вот я поставлю на

ваши участки два звена — Юнусова и Аллаярова, и они покажут колхозам «Уйгур» и имени Ворошилова, как должны работать настоящие стахановцы...

— Что?! — отчаянным голосом вскричал бригадир «Уйгура». — Юнусова? Аллаярова? Не позволим! Не пустим!! — и выскочил из палатки.

Бригадир ворошиловцев Рамазанов оказался более хладнокровным человеком:

— Пусть будет десять Юнусовых и Аллаяровых, в один день закончить невозможно, — произнес он убежденно.

— Не будем спорить, — ответил инженер Юштин. — У вас осталась работа и на правом и на левом борту канала. Выбирайте себе один из бортов, а на другой поставим Юнусова и Аллаярова. Согласны?

— Согласен, — насмешливо улыбнулся Абдухалил Рамазанов. — Только при одном условии... Если Юнусов и Аллаяров кончат раньше, чем наш колхоз, я из своего собственного кармана вынимаю 250 рублей, покупаю барана и устраиваю им плов.

— Договорились, — улыбнулась Тамара Павловна, — готовьте деньги...

Этот разговор происходил после обеда. Перед вечером на участке ворошиловцев появились легендарные звенья колхозов имени Сталина и «Октября» во главе с прославленными Юнусовым и Аллаяровым.

— Орманг! Не уставайте! — крикнул Юнусов, спускаясь в канал.

— Бор булинг! Благодарствуйте, — хмуро ответили ворошиловцы.

Абдухалил Рамазанов повел звеньеводов к правому борту канала.

— Вот место для ваших кетменей, — сказал он.

Все колхозы прорабства с нескрываемым любопытством наблюдали за поведением звеньев, явившихся с буксиром в колхоз имени Ворошилова. Юнусов и Аллаяров, по привычке, осмотрели место работы, коротко обменялись мнениями и указали членам своего звена, где поставить сходы для выноса грунта на борт канала. Расставив доски, звенья ушли ужинать и спать.

В 11 часов вечера Абдухалил Рамазанов поднял на ноги свой колхоз и вывел его на трассу. Ворошиловцы

работали всю ночь до рассвета и к приходу звеньев Юнусова и Аллаярова очистили треть своего борта.

Это не смутило тысячников. Их было по восемь в звене, всего шестнадцать членов колхозов имени Сталина и «Октября», и они встали на свой правый борт канала напротив восьмидесяти человек Рамазанова. Сейчас же справа от Юнусова и Аллаярова колхоз «Уйгур» выставил звено своего чемпиона Хабидуллаева, слева на участке колхоза «Иордам» появились известные стахановские звенья Таджибаева и Казакова.

Солнце взошло, когда загремели кирки, кетмени и когда Юнусов и Аллаяров с первыми мешками грунта поднялись по сходням. Ворошиловцы, подбодряя себя криками, забегали. Видно было, что Абдухалил Рамазанов твердо решил отстоять честь своего колхоза и уберечь 250 рублей. Его люди работали более чем добросовестно,—надо отдать им должное. Справа и слева от тысячников нажимали на свои грунты звенья «Уйгура» и «Иордама», задавшиеся целью развеять ореол непобедимости звеньев Юнусова и Аллаярова.

Каждые пять—десять минут к месту соревнования прибегали соглядатаи из других колхозов. Понаблюдав с минуту, они бежали к своим кетменщикам, нетерпеливо ожидавшим информации о том, как идут дела на участке ворошиловцев. Ажиотаж охватил трассу андижанских колхозников. Отсюда волнение перекинулось на комсомольский участок, с комсомольского—на соседний нарынский...

В то время как ворошиловцы чуть ли не ежеминутно оглядывались на правый борт, ни один человек из звеньев Юнусова и Аллаярова ни разу не повернул к ним головы. Тысячники работали уверенно и спокойно. Каждый из шестнадцати кетменщиков колхозов имени Сталина и «Октября» строго рассчитывал свои движения, каждый делал свое дело, но оно было неразрывно связано с тем, что делает другой. Это был изумительно слаженный стахановский коллектив, и он мог творить чудеса.

Ровно в полдень звенья Юнусова и Аллаярова догнали ворошиловцев. За шесть часов пятнадцать минут 16 тысячников выполнили работу, которая у 80 человек отняла одиннадцать с половиной часов рабочего

времени. Десятник, обмерив выемку, определил: 950 процентов за полдня.

Это известие взволновало андижанских колхозников. И когда звенья приостановили работу, чтобы передохнуть и позавтракать, несколько тысяч андижанцев, включая ворошиловцев, уйгурцев и иордамцев, устроили им оvation. О новой победе Юнусова и Аллаярова узнал лагерь. Немедленно к месту соревнования прибыла концертная бригада артистов Узбекского орденоносного государственного театра оперы и балета. Пока тысячники отдыхали, артисты пели и танцевали для них прямо здесь, на свежем дне канала.

На обеденный перерыв с часу до пяти ушли все андижанцы, кроме кетменщиков колхозов имени Ворошилова, «Уйгур», «Иордам» и знаменитых тысячников из звеньев Юнусова и Аллаярова, наворотивших на правом борту канала целые горы. Андижанцы, возвращавшиеся из лагеря в пять часов вечера, не заходя на свои участки, столпились на этих горах вынутой гальки и вывороченных из земли громадных камней. Они пришли как раз вовремя и увидели, что Абдухалил Рамазанов подошел к Юнусову и Аллаярову и обнял их горячо, от всего сердца. Легендарные звенья колхозов имени Сталина и «Октября» кончили свою работу на правом борту канала и перешли к ворошиловцам помогать им доканчивать левый борт.

— Яшаньг, кахрамонляр! Мин яшаньг!! — восторженно кричали андижанцы, — Процветайте, богатыри! Живите сто лет!!

А Рамазанов Абдухалил, отозвав в сторону одного из кетменщиков, рослого, седобородого, совал ему в руку пачку денег и говорил:

— Переедешь на пароме Нарын... Купишь у киргизов хорошего, жирного барана... Здесь триста пятьдесят рублей. Слышишь?..

Широкогрудый, пышущий здоровьем старик, механически взяв деньги, пошел, мотая головой и приговаривая:

— Вот это кетменщики. Тц! Тц! Тц!.. Какие кетменщики!!

Вечером в лагере состоялся большой концерт с участием лучших артистических сил Советского Узбеки-

стана. Тут были орденосцы — народная артистка СССР, прославленная певица Халима Насырова, заслуженные артистки республики, танцовщицы Муккарам Тургунбаева, Халима Рахимова и многие другие. Шесть тысяч андижанцев и пять тысяч комсомольцев запрудили площадь.

Когда гул одиннадцати тысяч голосов, шумные выкрики и аплодисменты огромной аудитории, нетерпеливо ждавшей концерта, достиг предела, на сцену вышел ведущий программу народный артист республики Кари Якубов и, приложив к губам вместо рупора трубу большого карная, прогремел:

— Товарищи! Юнусов и Аллаяров, которым посвящен наш сегодняшний концерт, только что приняли душ и сейчас переодеваются. Минуту терпения... Мы не начнем концерта, пока они не придут сюда...

Яркий свет прожекторов освещал море голов в традиционных тюбетейках долины, вышитых белым шелком по черному фону. Тысячи взглядов были устремлены влево, туда, откуда ждали прихода кетменщиков колхозов имени Сталина и «Октября». И они не заставили себя ждать, — шестнадцать героев Особого годовного во главе со спокойным, немного флегматичным Юнусовым и живым, худеньким Аллаяровым, в черных глазах которого всегда горели насмешливые огоньки.

Словно электрический ток пробежал по многотысячной толпе. Кетменщики заволновались, повскакали на ноги, людское море, расколовшись посередине, раздалось, пропуская победителей вперед. На сцене уже выстроились, как на параде, сто артистов. Орденосный коллектив Узбекского государственного оперного театра пригласил Юнусова и Аллаярова занять свои почетные места на сцене.

Под бурную овацию присутствующих Юнусов и Аллаяров сели на стулья, приготовленные у рамп, справа. Прожектор направил на них свои лучи. Прогрела труба.

— Соловей садов Узбекистана, Халима Насырова споеет две народные песни. Она посвящает их звеньеводам андижанского колхоза «Октябрь» товарищам Юнусову и Аллаярову.

После окончания концерта по почину девушки-про-раба десять колхозов решили этой же ночью отделать борта своего отрезка канала, чтобы к утру сдать его в готовом виде и тем самым выйти на первое место по Особому головному участку.

* *

*

На комсомольском участке Особого головного борьба кипела вокруг переходящего красного знамени, привезенного из центра. Знамя из тяжелого алого бархата с золотыми кистями стояло у стены внутри палатки, в которой жил секретарь Ферганского обкома комсомола Мирзабеков, и каждого заходившего в палатку секретаря райкома комсомола он встречал вопросом:

— Что, пришел за знаменем?

Секретари смотрели на знамя, вздыхали, разводили руками...

На участке работала лучшая колхозная молодежь долины, объединенная в двадцать восемь районных бригад, поделивших между собой комсомольскую трассу. Они сами же приняли решение, что знамя в торжественной обстановке должно быть вручено району, который первым закончит свой участок и как победитель соревнования пройдет с переходящим знаменем по всей трассе церемониальным маршем, с музыкой. Но прошло две недели, шла уже третья, а вынести знамя из палатки, в которой помещался штаб участка, никому пока не удавалось.

С начала работ впереди шли комсомольцы Андижана, но успех вскружил им головы, и они немножко ослабили темп. Этим воспользовалась молодежь Ферганского района, которая к середине августа обогнала андижанцев. Но им тоже приходилось держать ухо востро, по пятам шли маргеланцы, старые соперники со времен строительства Ляганского канала. Они подсылали лазутчиков на участок ферганцев, чтобы выявить намерения конкурентов; во время перерыва без всякого стеснения останавливались перед их участком, прикидывая на глаз, насколько еще хватит работы ферганцам.

17 августа маргеланцы увидели, что у ферганцев дела хороши, что ферганцы вот-вот кончат. Они отказались от перерыва, и их бригадир Нурматов победил в комсомольский городок сказать маргеланским поварам, чтобы они тащили прямо на трассу казаны с обедом и посуду.

18 августа маргеланцам, напрягшим все силы, удалось догнать ферганцев. И на этот раз они обедали на трассе, чтобы не терять золотого времени. Ферганцы, возвращавшиеся после перерыва из городка, были настроены благодушно и уверенно. Взглянули на участок маргеланцев, увидели, что на дне канала остается еще солидное количество тяжелых галечных грунтов, и ушли, оживленно переговариваясь:

— Не осилят. Выдохнутся раньше, чем мы кончим.

Единственное, что немного беспокоило ферганских комсомольцев,— это странное поведение маргеланцев. Вместо того чтобы выносить гальку и камни вместе и сваливать их на обочины канала, маргеланцы, усложняя работу, выбирали отдельные камни покрупнее, сносили их на правый борт к одному месту и аккуратно их укладывали здесь, строя нечто похожее на усеченную пирамиду. Зачем они расходовали время на такую ерунду — неизвестно. Ферганцы попробовали подослать лазутчиков, но лазутчики вернулись ни с чем: маргеланские комсомольцы умели держать языки за зубами.

Закончив работу, ферганцы ушли вечером в лагерь, поужинали и пошли смотреть картину «Ленин в Октябре», прибывшую вместе с кинопередвижкой. Маргеланцев на киносеансе не было. Лишь в середине сеанса к киномеханику пробрался маргеланский бригадир и под покровом темноты о чем-то беседовал с ним минут пять-десять.

Посмотрев картину, ферганские комсомольцы разошлись по палаткам спать. Если бы только они знали, что делалось в это время на участке их соперников!.. К участку маргеланцев подъехала автомашина с кинопередвижкой, механик включил электромотор, вспыхнул прожектор. Всю ночь прожектор освещал трассу, на которой работали маргеланские комсомольцы. В пять часов утра, решив передохнуть, они прилегли и

сейчас же заснули, как убитые. Их повара, чайханщик, девушки, наблюдавшие за чистотой и порядком в палатках, принесли одеяла и закутали ими своих земляков.

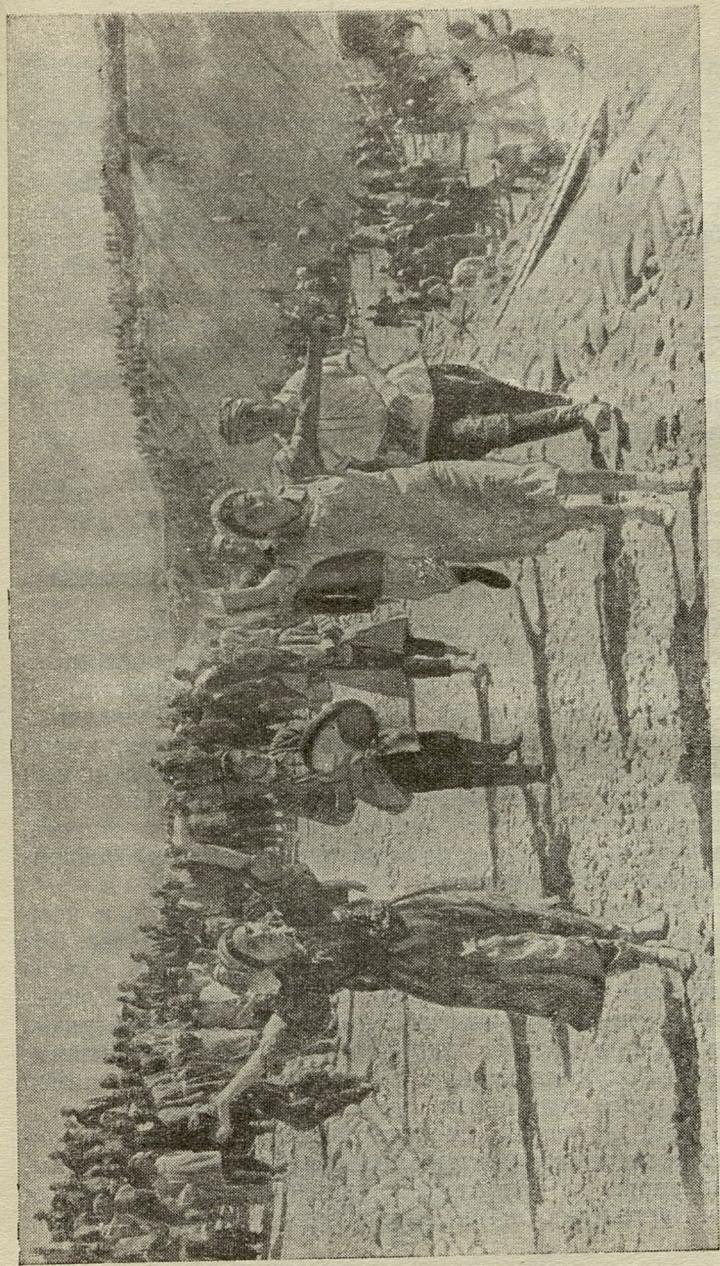
Ферганцы, выйдя на работу, застали их разметавшимися во сне на дне почти готового канала. Они тревожно переглянулись, посмотрели еще раз на высящуюся на краю канала таинственную пирамиду и опрометью бросились на свой участок. Но повар, оставшийся сторожить земляков, забил тревогу, стаскивая со спящих одеяла. Маргеланцы вскочили, сделали наскоро физкультурную зарядку и взялись за кирки, кетмени, лопаты.

Ферганцы бешено работали, бряцая железом о камень, бегом вынося носилки и мешки с галькой. Но было уже поздно: маргеланцы, чистенько отделав борта канала, вылезали наверх усталые, счастливые и складывали инструмент у подножия своего странного сооружения, напоминающего постамент.

Я знал, для чего строят маргеланцы этот каменный холм, но строго держал тайну. Маргеланские комсомольцы хотели увековечить свою стахановскую работу и строили из дикого камня достойный постамент, чтобы сняться на нем группой со знаменем, вырванным из-под носа ферганцев.

Так и было. Ровно в девять часов утра маргеланцы прошли церемониальным маршем под музыку по комсомольскому участку и остановились у подножия своего сооружения. Здесь бригадир Нурматов торжественно принял из рук заместителя начальника участка по партмассовой работе Мирзабекова алое бархатное знамя, и маргеланцы выстроились с ним на постаменте. Фотомастер М. Альперт запечатлел этот героический эпизод из жизни сталинского комсомольского племени...

Особый головной участок вел усиленную подготовку к грандиозному взрыву, намеченному по плану строительства неподалеку от головы Большого Ферганского канала. Здесь, на протяжении 850 метров, канал проходил по твердому, как железо, конгломерату, не поддающемуся ручной разработке. Специалисты, изучив грунты, определили, что для взрыва необ-

На Особом голъномъ участке. Моментъ окончания работы на комсомольскомъ подучастке

ходимо около 400 тонн смеси аммонита с аммиачной селитрой.

Перед авторами проекта взрывных работ инженерами Рождественским и Ивановым стояла трудная задача. Надо было так рассчитать силу взрывчатых веществ, так расставить колодцы для мин, чтобы взрыв, выбросив на борта канала 100 тысяч кубометров гальки и конгломерата, образовал канал определенной ширины и глубины, с тем чтобы колхозникам осталось лишь подчистить дно и борта этого канала.

Предстояло вырыть 74 шахты с креплениями и провести всю остальную подготовительную работу к взрыву не позже чем к 24 августа, с тем чтобы бросить сюда освобождающихся от ручных работ андижанских колхозников и три тысячи колхозников братского Таджикистана, приехавших к Нарыну, чтобы внести свою долю труда в сооружение головы канала. Короче говоря, вместо предусмотренных проектом 25 дней вся подготовка должна была быть уложена в 12 суток.

К месту работ приехали на помощь шахтеры-ударники Ташкумырских угольных копей, двадцать пять специалистов-взрывников, шестнадцать инженеров и техников. В помощь им были направлены бригадиры-стахановцы андижанских колхозов «Коммуна», имени 8 марта, имени Димитрова, «Кзыл Батыр» с лучшими кетменщиками, каменщиками и плотниками. Походные электростанции залили ярким светом всю местность, отведенную под взрыв, и здесь день и ночь шла напряженнейшая подготовка.

23 августа лагерь андижанских колхозников и комсомольский городок начали эвакуацию имущества. Все машины и механизмы, тронувшись с места, должны были быть оттянуты на километр в глубь Уч-Курганской степи, люди — на два километра. Помимо риска попасть под обстрел камня и земли, выброшенных взрывом колоссальной силы, людям, находившимся ближе этого расстояния, грозило отравление газами.

С утра 24 августа многотысячные колонны андижанских колхозников и комсомольцев Ферганской долины, двинувшись из насиженного, обжитого лагеря, вышли в Уч-Курганскую степь. Прибывшая из Ташкента конная

милиция весь день объезжала трассу и ее окрестности, огороженные красными флажками, осматривая, нет ли где случайно оставшихся людей. Колхозные посты, рассыпавшись по просторам Уч-Курганской степи, оцепили угрожаемую зону.

Тихий, ясный день медленно догорал... На горизонте вырисовывались синие контуры предгорий Тянь-Шаня. По сигналу, поданному инженером Рождественским, включили рубильник. В шахты по электрическим проводам побежал ток...

В полной тишине внезапно поднялась огромная коричнево-серая стена длиной в километр, высотой метров в шестьсот-семьсот. От этой рваной по краям стены отделились и поползли к небу огромные, лохматые языки,— только тогда донесся громовый раскат пятого по величине и силе взрыва в СССР.

Спустя несколько часов после взрыва газы рассеялись. Покрытый мельчайшей серой пылью, как могильным пеплом, былой оживленный, веселый лагерь был мертв. Бледный лунный свет освещал пустые навесы, там и здесь валялись сброшенные сотрясением воздуха бревна. В камышевых и фанерных крышах зияли дыры, пробитые камнями, выброшенными взрывом на самый берег Нарына. Казалось, что здесь прошел мор, уничтоживший все следы человеческого пребывания.

Но вот наступило утро, загромыхали тракторы и автомашины, закрипели арбы, зазвучали песни возвращающихся в лагерь колхозных колонн, через пару часов лагерь вновь зацвел кумачом, заблестал чистотой и уютом. Заклокотали самовары в чайханах, запылали печи в хлебопекарнях, зашипело сало в котлах, и веселые, энергичные кетменщики, перепоясанные набедренными платками, колхоз за колхозом пошли, как обычно, к трассе пробивать последние сотни метров пути к заветному Нарыну.

VI

НАРОД-СОЗИДАТЕЛЬ

Величественная панорама открывалась с высоты. Под крылом самолета стелилась огромная трасса. Большой Ферганский канал, словно стрела, пущенная из лука сказочным великаном, рассекал надвое грудь земли и, вползая в сады и хлопковые поля жемчужной долины, стремительно несся к горизонту. Мелкими ничтожными змейками блестели чешуей на солнце извилистые старые арыки, толпясь вокруг гигантского человеческого сооружения.

Дни и недели промелькнули, как чудесный короткий сон,— изменения ландшафта казались непостижимыми. Совсем недавно, почти вчера, на левом берегу Нарына лежало необозримое плато, безлюдное, безжизненное. А сейчас здесь высились горы земли и гальки, навороченные мощными экскаваторами, гусеничными тракторами и отрядами славных андижанских кетменщиков. У подножия этих гор плескались волны бурного Нарына, облизывая бетонные стены головного сооружения. Вода просилась в канал, но ее не пускали еще люди, словно муравьи облепившие горы. Тысячи узбекских и таджикских кетменщиков заканчивали отделку канала, приводя его в полную готовность, экскаваторы вгрызались в его каменистое дно.

Горы, взгромоздившиеся на ровном месте, бесконечной холмистой грядой тянулись вдоль бортов великого канала, уносясь к горизонту, параллельно с пестрой лентой колхозных лагерей, шумных и оживленных. Не верилось, что на мертвенных просторах Уч-Кургана всего пять недель тому назад шмыгали лишь ящерицы и дремали на камнях ядовитые змеи...

Где-то там, внизу, под крылом самолета, блистал кетменем знаменитый нарынец Дунан. Работы здесь осталось на день, два, три... Скоро, скоро ему и многим его землякам придется расстаться с трассой канала, с которой так свыклись, сроднились тысячи людей. Овеянные славой стахановского труда, черные от загара, веселые и радостные, они возвратятся в родные кишлаки, расскажут детям о днях и делах Большого Ферганского канала, дети передадут эти рассказы внукам. Из рода в род будет передаваться хроника легендарной стройки.

Давно ли в выжженной солнцем Кара-Калпакской пустыне маргеланцы протянули Ахун-Бабаеву кетмень, чтобы председатель Верховного Совета, их земляк и однокишлачник, сделал своей легкой рукой традиционный первый почин, вонзив кетмень в дикую целину.

Кажется, это было вчера... А сегодня четкие контуры 270-километрового красавца-канала служили уже надежным ориентиром для рейсового самолета, пролетавшего над Ферганской долиной, указывая лучше всяких карт путь с запада на восток и обратно.

Здесь, наверху, тихое утреннее небо и плавное, спокойное парение стальной птицы... Там, внизу, блеск десятков тысяч кетменей, алые стяги трепыхающихся на ветру знамен, бурное кипение великой сталинской стройки, жизнь с ее маленькими, будничными происшествиями и большими, удивительными делами.

Вот второй участок, примыкающий к границам нарынских и андижанских кетменщиков. В первые дни строительства канала над всей трассой были разбросаны летучки от имени Комитета по изучению памятников старины Узбекистана: археологи, приехавшие в Ферганскую долину, оповещали армию колхозных кетменщиков, что под массами земли, которую предстоит им выбросить на борта канала, могут быть скрыты ценные

памятники далекого малоисследованного прошлого узбекского народа.

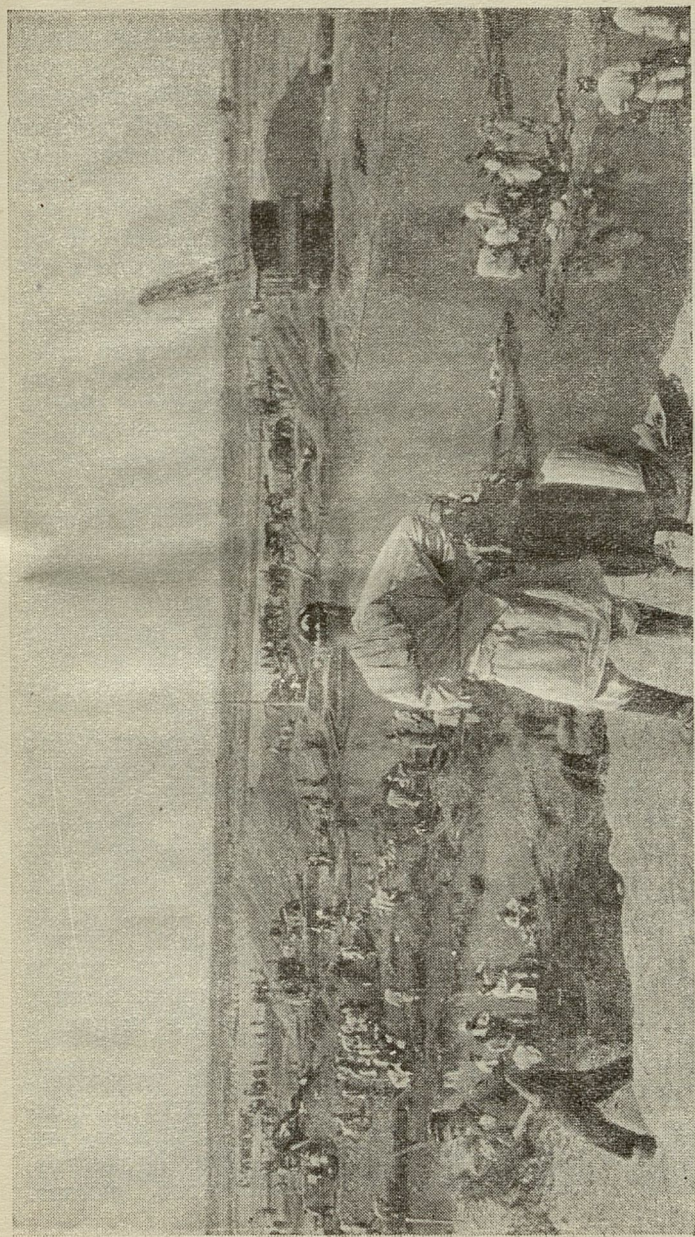
На это обращение откликнулись кетменщики колхоза «Батыр», работавшие на втором участке. Они открыли древнее городище, окруженное мощными стенами, и тщательно собрали каменные зернотерки, украшенные керамикой черепки мелких и крупных сосудов, предметы из меди, бронзы, камня, редчайшие монеты, а также полированный нефрит. Изучение этих материалов позволило доктору наук археологу М. Массону установить, что на участке, доставшемся колхозу «Батыр», в древней области Мианрудан был не известный науке город. Монеты, найденные кетменщиком Кучкаром Масаидовым, свидетельствуют о том, что городище это существовало свыше двух тысяч лет тому назад, в дни, когда в Ферганскую долину вступили войска китайского полководца Ли Гуан-ли. И тогда еще обитатели долины мечтали о воде — они хранили в своих жилищах полированный нефрит, которому Восток издревле приписывал чудодейственную силу вызывать дождь в засуху!..

Еще более ценное открытие сделали куйбышевские колхозники, обнаружив в степи Шайтанкул, близ кишлака Карамулла, остатки крупного древнего города. Археологическая экспедиция, прибыв сюда, собрала несколько сот монет IX—XII веков, медные, бронзовые и свинцовые предметы, покрытые арабскими надписями. Именно здесь находился упоминаемый в исторических рукописях X века город Ванкент, местопребывание которого до сих пор оставалось неизвестным.

Самолет летел над оживленной трассой третьего, четвертого, пятого участков, где лихорадочно кипела работа. Люди при виде самолета потрясали кетменями и лопатами, снимали платки и приветственно махали ими.

Многими сотнями насчитывались уже колхозы, закончившие работу до срока, они перешли на помощь соседям. И такие участки легко было узнать сверху по сдвоенным колхозным знаменам, которые развевались на дне почти готового канала.

Вот и участок ветерана ирригации Клавдия Никаноровича Синявского, отрезок канала, готового хоть сейчас к приему воды. Его легко было узнать по

Головное сооружение канала

щегольской отделке—аккуратная, добротная работа старейшего депутата Верховного Совета Узбекской ССР!

К. Н. Синявского избрали депутатом учкурганские колхозники, помня о его давнишних стараниях добыть из Нарына воду, о его проектах, отклонявшихся царскими чиновниками, для которых была чужда сама мысль об орошении дехканских земель. Один из лучших представителей советской интеллигенции, К. Н. Синявский оправдал доверие народа. Он сам повел отряды своих избирателей-кетменщиков на борьбу со стихией и, несмотря на преклонный возраст, развил такую энергичную деятельность, что оставил за флагом не меньше тридцати начальников участков. Сын Клавдия Никаноровича—Георгий Клавдиевич Синявский, доцент по кафедре механизации, взяв отпуск, приехал на участок отца и руководил здесь тракторными работами.

Блестящая плеяда отцов и сыновей строила Большой Ферганский канал. И среди них было немало таких, чьи профили и имена мы увидим в недалеком будущем высеченными на барельефах и мемориальных досках, которыми украсится канал, это прекрасное народное сооружение. В аллее героев канала мы найдем бюст Таджимата Хидырова, старика-колхозника из колхоза «Ленинизм» Ленинского района.

Двух сыновей проводил Таджимат на строительство канала, оставшись работать в колхозе. Но через две недели один из них заболел и вернулся домой. 74-летний Таджимат Хидыров ночью, никого не предупредив, взял кетмень, ушел на трассу и встал на место сына в ряды колхозников Янги-Юльского сельсовета. Десятник, обнаружив старика, усомнился, справится ли тот с работой, требующей физической силы. Таджимат, обидевшись, категорически потребовал, чтобы ему был выделен отдельный участок. Старик заявил, что он вызывает на соревнование любого кетменщика из тех, которых ему укажет десятник.

Требование Таджимата Хидырова было удовлетворено. В первый день работы он дал триста процентов, на второй—пятьсот, на третий—шестьсот, на четвертый и пятый—восемьсот пятьдесят процентов, опередив всех кетменщиков Ленинского района.

В двадцатых числах августа Таджимат Хидыров работал уже на самом трудном участке района инструктором стахановских методов работы, и в его подчинении находилась одна тысяча пятьсот кетменщиков.

Незабываемы эпизоды этих героических будней социалистической, сталинской стройки...

Старики, члены советов по урожайности, приезжали из кишлаков знакомиться с положением дел на трассе своих колхозов. После строгой ревизии, по ночам, шопотом, — чтобы не срамиться перед соседними колхозами, конкурентами по соцсоревнованию, — они придирчиво «разносили» своих бригадиров, требуя темпов и побед. Колхозные председатели подбирали из оставшихся в кишлаке людей свежие отряды кетменщиков, чтобы неожиданно выбросить их из засады на трассу канала и, заменив усталых, этим стратегическим приемом опередить соревнующиеся с ними колхозы.

1798 коммунистов, до пятидесяти тысяч комсомольцев находились в авангарде двухсоттысячной армии строителей канала, шаг за шагом организуя победу. 204 агитпункта функционировало на трассе канала. Они направляли работу 2918 агитаторов и пропагандистов. Бюро районных партийных комитетов выезжали заседать на трассу, прямо тут же, на горах свежее вынудой прохладной земли, заслушивая отчеты секретарей райкомов — заместителей начальников участков по партмассовой работе, агитаторов и пропагандистов. Здесь, на трассе великого сталинского канала, коммунистическая партия пополняла свой состав, рассматривая на выездных заседаниях заявления о приеме в партию стахановцев-кетменщиков, лучших сынов узбекского народа. Знаменитый нарынский кетменщик Дунан Дусматов подал здесь заявление о приеме в партию. На таком именно выездном заседании 18 августа 1939 г. был принят в ряды большевиков Юнусов, замечательный звеньевой андижанского колхоза имени Сталина, знатный стахановец Особого головного участка. За полтора месяца на трассе канала было подано 664 заявления о приеме в партию; 294 человека было принято в кандидаты ВКП(б).

1528 стенгазет выпускалось на трассе, 6 радиоузлов, 23 радиопереносных станции, 50 эфирных приемников

действовало на трассе канала. 1 850 актеров и музыкантов обслуживали кетменщиков на канале. 50 252 человека учились в 1 686 школах по ликвидации неграмотности.

Социалистическое соревнование между отдельными кетменщиками перебросилось в звенья, из звеньев — в колхозные бригады и прорабства, охватывая целые участки...

Первыми подняли флаг на мачту, возвышающуюся над участковым штабом, три тысячи колхозников-таджиков Исфаринского района, — они ушли помогать канибадамцам. А к 26 августа уже шестнадцать тысяч таджикских колхозников, работавших на хвосте канала, рапортовали правительству о досрочном окончании своей доли строительства.

Первенство на главной узбекской трассе Большого Ферганского канала оспаривали участки Ташлакского и Сталинского районов. Ташлакцы, опередив своих соперников, в ночь на 18 августа, за двенадцать дней до срока выбросили свои сто пятьдесят шесть тысяч кубометров грунта и по предложению колхозницы Муминой взяли еще сто тысяч кубометров на соседнем участке тюрякурганцев. Вслед за ташлакцами привели к красной ленточке финиша свои районы, Сталинский и Уч-Курганский, молодой узбек инженер Юлдашев и старейший ирригатор Средней Азии инженер Синявский.

Накануне окончания работ колхозники Сталинского района просили прислать на их участок концертную бригаду, поименно перечислив фамилии артистов, которых они хотели бы видеть у себя в гостях.

Артисты приехали в назначенный день. Восемнадцать тысяч сталинцев и наманганцев ждали их на борту законченного канала. Это походило на древнее ристалище римского цирка — такое скопление народа, расположившегося амфитеатром на гладко отполированной кетменями покатою поверхности.

Кетменщики сидели по двести — двести пятьдесят человек в ряду, и таких рядов насчитывалось свыше восьмидесяти. Многие стахановские звенья и бригады принесли на концерт свои знамена и расположились с ними на самом гребне этого могучего человеческого каскада, ниспадавшего ко дну грандиозного канала.

На памят участіе инженера К. Н. Сильянского

Отведенная для выступления артистов площадка освещалась подвешенными к проволоке огромными факелами, облитыми нефтью. Ржавые отблески пламени скользили по цветным полосатым халатам, причудливыми огоньками вспыхивая на бисере шелковых набедренных платков. Белые цветы миндаля, вышитые на традиционных намаганских и шариханских тюбетейках, колыхались, как снежинки, в вечернем полумраке.

Когда пела Халима Насырова, кетменщики кричали с разных концов огромного амфитеатра: «Повернитесь и в нашу сторону, осчастливьте и нас вашим голосом!»

Когда танцевали Тамара-Ханум, Муккарам Тургунбаева и Рахимова — «Маленькая Халима», кетменщики вскидывали свои дорогие шелковые платки над головой, рыцарски стелили их под ноги танцовщиц...

В перерывах люди поднимались на ноги, озирали ряды и, удивленно прищелкивая языками, садились на место. Люди озабоченно вздыхали: ведь здесь, на концерте, всего только восемнадцать тысяч человек, а как много они занимают места... Что же будет, когда соберется двести тысяч душ, двести тысяч — не меньше?! Что же будет?! Ведь этот день недалек...

Этим днем должен был быть день пуска воды в Большой Ферганский канал.

Еще с первыми ударами кетменей о сухую, раскаленную почву в народе возникал разговор, что такое величайшее в истории Ферганской долины событие, как поворот Нарына в русло Кара-Дарьи, должно быть достойно отпраздновано двухсоттысячной армией строителей. И все три тысячи колхозов приходили к единому выводу, что в честь этого события следует устроить праздник труда, ознаменовав его невиданным по масштабам национальным «тоем».

Кетменщиков не смущали масштабы «тоя». То и дело они прикидывали:

— Если каждый колхоз выставит на «той» по два самовара, будет шесть тысяч самоваров — зеленого чаю хватит на всех.

— Три тысячи колхозов выделяют три тысячи поваров, и они управятся вполне с шестью тысячами больших чугунных казанов.

Кетменщики вернулись в родные кишлаки

— Что такое для колхоза три-четыре барана? Пустяки! А из десяти тысяч баранов три тысячи поваров приготовят великолепный плов для двухсот тысяч питающихся на «тое».

— Каждый колхоз отложит для «тоя» одну арбу фруктов — трех тысяч арб дынь, арбузов, винограда хватит на сладкое.

— Посуда, ковры, паласы найдутся в любой колхозной палатке — об этом не стоит и разговаривать. А вот место... Как найти такое место, где можно было бы посадить все двести тысяч человек?.. И посадить так, чтобы рядом с колхозными кетменщиками сидели руководители партии и правительства, инженеры, врачи, артисты, писатели, учителя, агитаторы — одним словом, все те, кто принимал участие в строительстве великого канала. Ведь весь интерес такого «тоя» в том, чтобы собраться одной семьей, всем вместе так же дружно, как строился канал. Молодежь обращалась за советом к выдавшим виды старикам. Старики рассуждали:

— Колхозным джигитам нельзя не размяться после столь славного труда. Без «тоя» обойтись невозможно, надо делать «той» по всем правилам, такой «той», чтобы память о нем сохранилась на долгие годы. На «тое» должны быть устроены национальные скачки — «улак», для таких скачек нужна обязательно котловина, чтобы, согласно обычаю, джигиты мчались по ее краям, отнимая друг у друга на полном скаку тушу черного козла. Если даже строго ограничить колхозы, чтобы они выставили по одному всаднику, будет три тысячи всадников. Котловина должна быть такой, чтобы двести тысяч зрителей, разместившись все вокруг, могли любоваться удастью колхозных джигитов.

— Надо собрать сюда всех карнайчей Ферганской долины с их огромными трубами, сурначей, флейтистов и барабанщиков, канатоходцев-«дарбозов», сказочников-острословов и мимов, созвать лучших артистов Узбекистана, чтобы они показали свое искусство перед народом. Надо, чтобы им тоже была удобна котловина...

Старики мысленно перебирали по памяти, обшаривали всю территорию Ферганской долины и расстраивались.

Котловина... Где найти котловину для этого гранди-

озного праздника? Такую котловину, в центре которой можно было бы построить высокий помост, чтобы провозгласить с него здравицу в честь великого Сталина, приведшего узбекский народ к этому счастливейшему из дней!

Старики приходили к одному: «той», великий «той» надлежит устроить на берегу великого канала. И вместе с новой водой он принесет обитателям жемчужной долины новое счастье, культуру, богатство...

* *

*

Прошло ровно полтора месяца со дня нашей первой беседы с секретарем ЦК КП(б) Узбекистана т. Усман Юсуповым и секретарем Ферганского обкома партии т. Емцовым. Мы опять сидим в том же кабинете в одном из скромных зданий областной Ферганы, и перед нами на столе та же схема Большого Ферганского канала, тогда еще только начертанная на карте, теперь уже реальная, осязаемая.

Мы сидим и беседуем с руководителями партии и правительства Узбекистана о том, что принесет с собой великий канал, когда через два месяца, в декабре, будут закончены бетонные сооружения и в лоно чудесного канала войдут воды Нарына, ранее уносившиеся в Сыр-Дарью и Аральское море. Наш собеседник говорит:

— Величайшее в истории Узбекистана народное движение опрокинуло все прежние классические труды по ирригационной науке. Их надо переделать, переписать... По старым нормам для составления проекта Большого Ферганского канала потребовалось бы 4—5 лет, советские инженеры закончили проект в 2½—3 месяца. По старым нормам строительство такого канала, как Большой Ферганский, отняло бы 6—7 лет, колхозники долины вырыли его в 45 дней. В сорок пять дней!..

— Раньше узбекские дехкане говорили: «Если бог даст — вода будет». Колхозники Ферганской долины вышли на канал и сказали: «Хочет того бог или не хочет, а вода будет. Вода зависит не от бога, а от нас самих. Мы — хозяева жизни, хозяева природы!»

Таков революционный скачок в сознании узбекского дехканства, исторический сдвиг в психологии масс.

подготовленный партией большевиков и ее великим вождем Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Замечательные перспективы открываются перед Ферганской долиной. Водами Нарына мы оросим десятки тысяч гектаров новых земель, отняв их у пустыни. Это позволит нам широко внедрить севооборот на хлопковых полях. Мы займем большие площади люцерной и создадим базу для расцвета животноводства.

Вода принесет новые замечательные изменения в хозяйственную и культурную жизнь долины. В недалеком будущем мы создадим здесь обширные тутовые плантации и удвоим шелководство. Увеличатся карты хлопковых полей, невиданными темпами развернется механизация, и постепенно вытесняемый кетменный труд будет сведен на-нет.

Сотни новых колхозов-миллионеров появятся в Ферганской долине уже в 1940 году. Мы превратим Фергану в красивейший, культурнейший уголок страны — вода будет журчать в каждом колхозном дворике, перед каждым колхозным домом будет цветник.

Трудно переоценить колоссальную преобразовательную роль этого всенародного строительства, начатого и проведенного большевиками по указанию товарища Сталина. Оно открывает замечательные перспективы и перед Ферганской долиной и перед всем Узбекистаном. Этот опыт строительства Большого Ферганского канала поможет также и братским союзным республикам в разрешении немаловажных проблем.

Великое народное движение дало нам чудесный ключ, который откроет многое, что заперла от нас природа на замки. Наконец-то мы можем взяться за орошение Голодной степи! В Голодной степи лежат 600 тысяч гектаров земли, которая ждет воды. В ближайшие два года, расширив существующий канал, мы сумеем занять под хлопок и другие культуры первые 70 тысяч гектаров.

А Хорезмийский оазис, а Кара-Калпакия!.. Здесь народ уже строит первое, головное сооружение, и оно будет готово в ближайшие дни.

Мы умеем дерзать и теперь обратимся к Аму-Дарье, к будущему Аму-Дарьинскому каналу, который вдвое превысит Большой Ферганский канал и раз навсегда

покончит с проблемой орошения Бухарского оазиса. Предварительные расчеты показывают, что в районе Келифа можно построить головное сооружение нового великого канала протяжением в пятьсот километров, с пропуском 400 кубометров воды в секунду. Нас не пугают ни масштабы работ, ни затраты — народ их сведет к минимуму. Мы уверены, что в поход за водой Аму-Дарьи пойдут не только колхозники Самарканда и Бухары, но в порядке социалистической взаимопомощи сюда двинутся и ташкентцы и ферганцы.

Героика строительства Большого Ферганского канала, сооружение новых невиданных каналов, достойных эпохи Сталина, творческие силы узбекского народа, возрожденные под великим знаменем Ленина — Сталина, прославляют в веках великое сталинское — Народ бессмертен!

VIII

ЧЬИМ ИМЕНЕМ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАЗВАН ВЕЛИКИЙ КАНАЛ

Отгремел кетменями август, традиционный месяц созревания дынь, который отпраздновала жемчужная долина строительства Большого Ферганского канала. Районы один за другим кончали земляные работы на своих участках и переходили на помощь соседям, вынимая последние грунты со дна и выравнивая борта грандиозного канала.

Но кетменщики не разъезжались еще по домам, они, собираясь группами, обсуждали вопрос, как же назвать замечательное творение своих рук, какое имя присвоить красавцу-каналу, который претворил в жизнь пленительную легенду узбекского народа о Фархаде и Ширине, осуществив тысячелетнюю несбыточную мечту об орошении жемчужной Ферганской долины.

Кетменщики говорили так:

— Кто освободил узбекский народ от векового гнета, создал колхозы в Ферганской долине, помог кишлакам зажить культурной, счастливой и зажиточной жизнью?

— Сталин.

— Кто воспитал коммунистов, руководивших стройкой, кто вырастил инженеров, техников, учителей,

артистов — всех этих лучших представителей узбекской советской интеллигенции, которые помогли народу в организации беспрецедентной борьбы с природой?

— Сталин.

— Чье имя вдохновляло кетменщиков на невиданные героические подвиги?

— Имя Сталина.

— Именем великого Сталина должен быть назван Большой Ферганский канал!

И еще говорили кетменщики в эти сентябрьские дни, вынимая последние кубометры земли, что Сталину должно быть послано письмо. И это письмо обсуждалось двухсоттысячной армией строителей канала на трассе, и приветственные возгласы громовым раскатом неслись от пустыни Патар-Дашт до берегов Нарына, передаваемые из уст в уста.

В письме к товарищу Сталину, отправленном в день окончания строительства канала, 15 сентября 1939 г., были такие строки¹:

Прими, великий вождь, наш письменный привет,
Сыновний, пламенный наш, искренний привет.

Глава счастливых всех народов, наш отец,
Ты — солнце мудрости, ты — радости венец.

Жить на земле, творить, быть человеком — честь.
В тебе — все лучшее, что в человеке есть.

Редчайший на земле, ярчайший наш алмаз,
Мир изумляешь ты и украшаешь нас.

.....

Чтоб наш народ нужды в воде не знал,
Ферганский мы построили канал.

За сорок пять мы дней свершили то,
О чем мечтали предки уж лет сто.

.....

¹ Письмо строителей Большого Ферганского канала, приводимое здесь в отдельных выдержках, изложили в стихах узбекские поэты гг. Гафур Гулям и Хамид Алимджан. Перевод с узбекского Льва Пеньковского.

Нарын в плену, в почетнейшем плену.
Теперь она поит всю Фергану.

Пойдет в пустыню Яз-Яван, а там —
К таджикам повернет в Канибадам.

И будет нам она служить весь век —
Пример для прочих непокорных рек.

Итак, одна исполнилась мечта:
Водой отныне Фергана сыта.

.....
Оплот освобожденных — Сталин наш,
Маяк для угнетенных — Сталин наш.

О, гордость победителей, — живи!
На страх поработителей — живи!

Ты скажешь: «Пусть!» — возникнет путь в горах.
Ты скажешь: «Пусть!» — и рухнут горы в прах.

Река родится, если скажешь: «Будь!»
Ты скажешь: «Стой!» — загородим ей путь.

Не будь тебя — нам был бы тесен мир,
Не будь тебя — покрыла б плесень мир.

Не будь тебя — носили б цепи мы,
Не оросили б наши степи мы.

Наш без тебя укоротился б век,
Не будь тебя, — то чем бы стал узбек?

Нам в слове «Сталин» — утешенья весть,
Всем трудностям — в нем разрешение есть.

Ты — наша слава, совесть, песня, речь,
Наш верный щит и наш победный меч.

Ты — Ленина вернейший ученик,
Ты сам, как Ленин, стал в веках велик.

Мы обрели опору и оплот
В той партии, которой ты оплот.

Ее питомец и учитель ты,
Ее бессмертный вдохновитель ты.

Тебя мы славим — славу ей поем,
Ее все славим мы в лице твоём.

Так — здравствуй, Сталин, и сто лет живи,
Сияй, как солнце, для побед живи!

И нас веди дорогою побед!..
Прими страны счастливейшей привет!

* *
*

Опять ревели карнаи, грохотали азиатские барабаны... Караваны арб, цепочки автомашин скатывались с боковых путей-дорожек на большие дороги. Гул людских голосов и радостных песен, скрип арб и ржание коней, сливаясь с ревом карнаев и грохотом барабанов, разноголосым хором поплыли над Ферганской долиной. Человеческие потоки вливались в зеленокудрые кишлаки, на окаймленные деревьями улицы городов. Армия строителей канала возвращалась с великого похода за водой...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. ТОЛСТОЙ. — ПРЕДИСЛОВИЕ	5
I. ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ БОРЬБА ЗА ВОДУ	9
II. РОЖДЕНИЕ НАРОДНОЙ ИДЕИ	21
III. ВЕЛИКИЙ ПОХОД ЗА ВОДОЙ	43
IV. ПОЧИН НАРЫНЦА ДУНАНА	51
V. СОРЕВНОВАНИЕ АНДИЖАНЦЕВ	70
VI. НАРОД-СОЗИДАТЕЛЬ	90
VII. ЧЬИМ ИМЕНЕМ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАЗВАН ВЕЛИКИЙ КАНАЛ	104

Эль-Регистан. Большой Ферганский канал имени Сталина
Государственное издательство политической литературы, 1939 г.

Индекс АГ/Мас. Изд. № 383

Редактор Г. Цвик

Художественно-полиграф. оформление Н. Седелъников

Технический редактор А. Тюнесса

Орнаментация книги С. Митрофанова

Отв. корректора М. Тепер и Р. Денисова

Фото-иллюстрации М. Альперт

Сдано в набор 28 ноября 1939 г. Подписано к печати 30 декабря 1939 г.

Формат 82×110¹/₂. Объем 6³/₄ п. л. 38 тыс. знаков в печ. л.

Тираж 100 тыс. Уполномоченный Главлита РСФСР № А—22294

Цена в переплете 1 руб. 50 коп.

18-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., д. 10.

